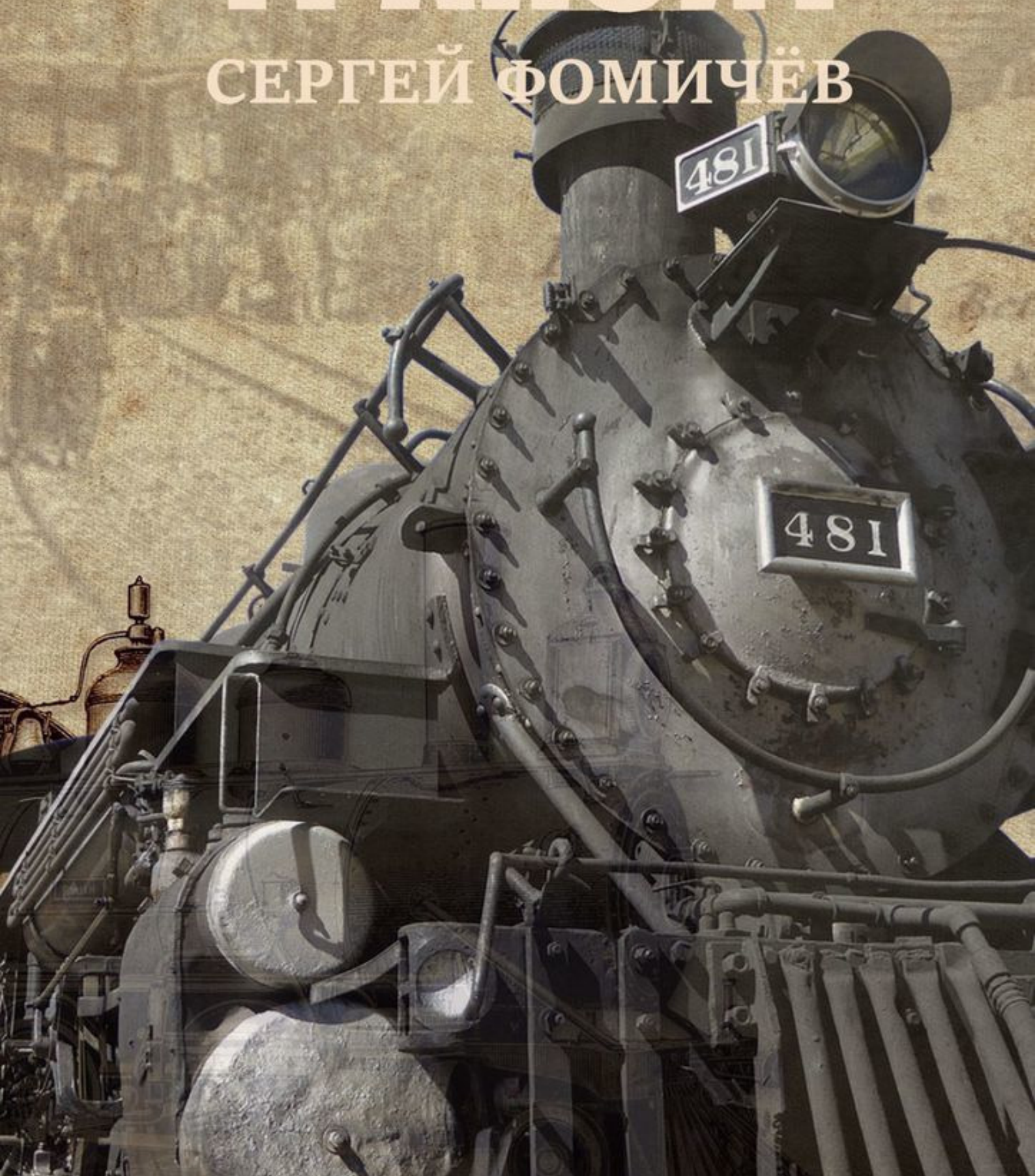

18+

ТРАНЗИТ

СЕРГЕЙ ФОМИЧЁВ

Сергей Фомичёв

Транзит

«Издательские решения»

Фомичёв С.

Транзит / С. Фомичёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530275-5

Доставить нелегальный груз оружия на другой конец материка для опытного контрабандиста не составит труда. Тем более в эпоху пара. Но на этот раз с самого начала всё пошло не так. Политический детектив с легким налётом стимпанка в антураже альтернативной истории (XIX век). Викторианская эпоха по-нижегородски. Контрабанда. Политические интриги. Спецслужбы. Феодальная раздробленность. Соратник Бакунина на тропе войны.

ISBN 978-5-00-530275-5

© Фомичёв С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Контекст I	7
Глава первая. Театралы	9
Глава вторая. Следствие	15
Глава третья. Оружие	20
Контекст II	26
Глава четвертая. Разведение паров	28
Глава пятая. Закулисье	34
Глава шестая. Уральский Экспресс	42
Глава седьмая. Попутчики	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Транзит

Сергей Фомичёв

© Сергей Фомичёв, 2020

ISBN 978-5-0053-0275-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Действие книги происходит в последней четверти XIX века в альтернативной исторической реальности, где Великим княжествам Руси не случилось объединиться под единой самодержавной властью Москвы или какого-то иного города. Политическая структура XIV века в общих чертах сохранилась, подобно итальянским или немецким землям, в результате чего уже к началу девятнадцатого века упомянутые княжества приобрели вид технически развитых европейских государств со всеми достоинствами и недостатками присущими этой политэкономической системе.

И хотя книга не затрагивает причин исторической бифуркации, в целом описывая иные события, сей исторический казус сыграет свою важную роль в сюжете.

Контекст I

Для большинства жителей Великих Княжеств и соседних стран Ярмарка являлась тем, чем и была по названию – гигантским торгово-промышленным съездом, главным событием в коммерческих графиках, местом, где встречались Европа и Азия, где вершились сделки века, где делались и спускались состояния, где становились известными и пропадали без вести, где решались судьбы целых экономик, политических систем и отраслей, взрывающихся расцветом и приходящих в упадок.

Жители Нижнего Новгорода считали Ярмарку шумным пригородом или даже отдельным районом со своими традициями, мифами, даже со своим особенным говором. Её считали прежде всего важным источником пополнения городской казны, но также крупнейшим на всём белом свете притоном мошенников, карманников, шулеров, убийц и веселых девиц, местом, куда лучше не соваться без крайней необходимости, а, попав, не покидать набережной и нескольких прилегающих улиц.

Для небольшого числа жителей самой Ярмарки, а также соседнего Канавина, она была отдельным городом, местом жительства и работы. Мрачным, грязным, опасным, но дающим кров и хлеб, чтящим свои неписанные законы и презирающим чужаков, которые пришли сюда для того чтобы получить прибыль или развлечься. Местом, где власть Великого Князя сводилась к чистой формальности, чины и титулы не стоили и гроша, а городской совет интересовали одни лишь лавочные и портовые сборы.

Только самые безнадёжные из клиентов доктора Бронштейна (главный смотритель лечебницы для умалишённых в 1860-х годах – прим. издателя) могли любить Ярмарку, но уважал, отдавал ей должное, каждый из обитателей.

Из книги нижегородского писателя и этнографа Павла Ивановича Мельникова «Балаган».

Нижегородская ярмарка чем-то похожа на заполярную тундру. Одиннадцать месяцев в году она пребывает в замороженном состоянии, где тишина сменяется только унылым воем ветров, лаем собак, редкими шагами, всплесками; и лишь на единственный летний месяц всё здесь взрывается многоцветием жизни и разнообразием звуков. Это наблюдение, впрочем, хоть и касается большей части Ярмарки, но не всей её целиком. Ярмарочный фасад – главная контора, магазинчики на набережной, лавки вдоль основных каналов, кабаки, балаганы, театр Шаховского, паровой трамвай, телеграф, станция и пристани – работают почти круглый год. И если смотреть на Ярмарку с Гребешка, что возле Благовещенского монастыря, то может показаться, будто бурление жизни там не прерывается никогда.

Из неопубликованных очерков Александра Николаевича Светлова. Приводится по копии черновика, хранящейся в архиве Третьего отделения.

Светлов Александр Николаевич. Выходец из мелких дворян Городецкого княжества. Бывший студент Кулибинского политехнического института, изгнанный с последнего курса за вольнодумство. В настоящее время – поэт, очеркист, торговец оружием, контрабандист. Давний знакомый Великого Князя Константина (совместная учёба в институте, затем путешествие по Европе). Будучи студентом посетил Королевство Саксония с ознакомительным визитом. Участвовал в майском восстании 1849 года в Дрездене вместе с Бакуниным, Вагнером и другими известными революционерами.

Социальную революцию воспринимал скорее как развлечение или своего рода инициацию взросления. Симпатизирует так называемым освободительным движениям в Европе и Америке. В качестве волонтера принимал участие в польских событиях. По некоторым (неподтвержденным) данным, участвовал в креольском восстании в Саскачеване (Канада). Разыскивался полицией и жандармерией ряда немецких государств. Полицейским управлением Великого Княжества Литовского выдан бессрочный ордер на его арест. С момента возвращения в Нижний Новгород находится под постоянным негласным надзором Третьего отделения.

Из справки Третьего отделения (политическая полиция) Департамента охраны Короны Великого Княжества Нижегородского.

Глава первая. Театралы

В театре Шаховского давали «Женевскую сироту». Народ съезжался загодя на собственных каретах, паролётках и пролётках, тот что победнее приезжал позже на паровике – паровом трамвае или даже приходил пешком. Если прочие театры предпочитали летом отправляться в другие города на гастроли, то заведение покойного Шаховского напротив приурочивало к ярмарочному сезону несколько премьер.

Ажиотаж получался невероятный. В кассах аншлаги. Билеты были распроданы на две недели вперед. Толпы поклонников дежурили возле ворот, ведущих на задний двор театра, желая увидеть приезд Звениславцевой, Гудкова, Лисянского, других актеров. Здесь смешались импозантные господа и белешвейки, офицеры и институтки, торговцы рыбой, меховщики и всех мастей иностранцы – от темнокожих индусов, до жующих табак бостонцев. Некоторые из них специально приезжали на Ярмарку задолго до начала торгов, чтобы потереться среди театралов.

Так случилось, что Александр Николаевич Светлов, будучи ярким поклонником таланта Звениславцевой, плохо переносил драмы из иностранной жизни, а потому он сразу же направился в буфет с намерением остаться в нём и после третьего звонка. Таких как он «театральных любителей» набралось здесь довольно много, по крайней мере, достаточно, чтобы превратить скромное заведение в подобие клуба. Мужского клуба, разумеется, ибо дамы хоть и на дух не переносили Звениславцеву, в ещё большей степени недоумевали, как можно отправляясь в театр просидеть представление в накуренном помещении за столом и выпивкой.

– Вы, кажется, возвращались из Америки на «Нутке»? – спросил молодой морской офицер, что стоял в очереди перед ним. – Почему именно на ней?

Буфетная очередь позволяла вести такие пустяковые разговоры без особых формальностей предварительного знакомства. Молодого человека Светлов припомнить не смог, хотя память его подводила редко, но и сомнений в осведомлённости случайного собеседника у него не возникло. Он действительно недавно возвращался в Азию на «Нутке». А раз так, то и офицер находился где-то рядом. Вот только офицером он тогда ещё не был. Судя по новенькому чёрному мундиру с петлицами мичмана Великокняжеского флота он только-только готовился отправиться к месту назначения. Значит был курсантом или волонтером. И видеть его мог, например, с таможенного катера при осмотре орегонского парохода на рейде в Чумикане.

– Увы, – сказал с нейтральной улыбкой Светлов. – Наши пароходы пока не радуют комфортом. Я же люблю грешным делом горячую ванну и хорошую кухню.

– Ванну? – удивился мичман.

На военных кораблях подобной роскоши был лишён даже капитан.

– Знаете, после перехода через Чилкут, такие мелочи начинаешь ценить вдвойне. А в океане не встретишь ни станций с ресторанами, ни городов, где можно остановиться и отдохнуть несколько дней. Поэтому мне важно, чтобы на пароходе имелся приличный ресторан, игорный салон и прочие радости жизни. В том числе, конечно, и ванна.

– Хм.

– И даже это не самое главное. Вы видели котлы наших посудин, что отваживаются на трансокеанский переход? Это изношенное старьё. А мне не улыбается стать свидетелем их последнего издыхания или тем паче взрыва. Потонуть или потерять ход посреди Тихого океана? Благодарю покорно!

– Но если все состоятельные люди, вроде вас будут платить Орегонской компании, откуда же у наших коммерсантов появятся фешенебельные пароходы с хорошими котлами? – возразил мичман. – У нас всего один порт на этом берегу, пароходчикам сложно конкурировать с крупными компаниями.

Светлов усмехнулся. Эту песню он слышал всю долгую дорогу через океан, а затем через Сибирь. Никто не хотел начинать с себя. Все хотели получить готовое.

– Если у нас не появятся комфортабельные пароходы и хорошие машины на них, люди, вроде меня, и дальше будут платить Орегонской компании, – ответил он.

– Но это не совсем патриотично, – заметил мичман.

– Не патриотично держать на океанской линии такую рухлядь, какую позволяет себе наш коммерческий флот. Но это только внешняя сторона дела. А копать надо глубже, если конечно вы всерьёз задаётесь вопросом.

– Да?

– Следует менять кредитную и налоговую политику. Иначе наши заводчики и промышленники никогда не обойдут новгородцев или тем более бостонцев. Не нужно драться с коммерсантов три шкуры только потому, что они коммерсанты.

Юный офицер замолчал. Лезть в политику ему не следовало, и в силу возраста (он был слишком мал для того чтобы спорить с таким зубром, как Светлов), и по положению – офицеры не имели права критиковать решения властей, а кредитная политика и тем более налоговая определялись министром финансов по директивам самого князя.

Отличие буфета от ресторана заключается в том неудобстве, что посетителю с тарелкой и бокалом в руках приходится подыскивать свободный столик, которых в зале вообще было немного. Зная это Светлов пришёл в театр загодя и, отстояв очередь из таких же предусмотрительных господ, занял своё любимое место – достаточно удалённое от остальных и с которого можно просматривать и вход, и стойку, и большую часть зала.

Многие, впрочем, в столиках не нуждались вовсе, они ставили посуду на особые полочки, тянущиеся вдоль стен и предпочитали время от времени перемещаться с места на место. Старые знакомые группировались кучками, завязывали разговоры.

Новичкам или одиночкам, желающим спокойно посидеть за чашкой кофе, повезло меньше. Им приходилось искать свободное место и просить о милости тех, кто успел занять столик раньше.

– Можно? – спросил человек, окинув взглядом зал, точно сомневаясь, туда ли он попал?

Этого человека Светлов видел впервые. Одежда выдавала в нём приезжего из колоний – сибирских, а то и американских. Серый сюртук, широкие брюки, клетчатый жилет, неброский шейный платок. Грубое сукно – материал практичный, но дешёвый. Интеллигент средней руки. Инженер в паровозном депо или локомобильном гараже, работник светового телеграфа, возможно, даже начальник небольшой станции. Но не купец, не промышленник, не военный.

– Валяйте, – Светлов ногой выдвинул кресло.

Он не стал делать это слишком небрежно, дабы не задеть гордость незнакомца, но особой радости не показал тоже.

Незнакомец не смутился. Он поставил на стол два стакана чая в фирменных театральных подстаканниках с чеканным изображением мельпомен и каллиопа, блюдо с кусочками сахара, тарелку, полную фаршированных творогом блинов.

– Это я прислал вам билет, – сказал он, усаживаясь в кресло.

Однако!

Светлов неспешно раскурил сигару, глотнул коньяка и только тогда соизволил ответить.

– Вам бы стоило выбрать другой спектакль, – заметил он.

Собеседник едва заметно усмехнулся.

– Тогда бы вы сидели в ложе, а не торчали в буфете.

Светлов прищурил глаз, как бы от дыма, и кивнул. Незнакомец тонко намекнул, что неплохо изучил подходы к Светлову, но пока не дал ни малейшей зацепки собственной истории. Кроме лёгкого акцента выдающего уроженца Дальнего Востока или, возможно, Американских колоний.

– Что вас интересует? – напрямую спросил Светлов.

– Оружие. Разумеется я говорю не о револьверах или пистолетах. Я говорю о большой партии пехотного вооружения.

– Хорошее пехотное оружие продаётся в любом магазине. Хотите, чтобы я посоветовал марку или торговца?

– Вы меня неправильно поняли, господин Светлов.

Незнакомец аккуратно нарезал блин кусочками, наткнул один на вилку и отправил в рот. Разжевал и только тогда продолжил фразу.

– Или скорее делаете вид, что не поняли, – он пожал плечами. – У меня нет проблем с выбором. Мало того, нет проблем и с покупкой. Товар уже куплен, свезён в надёжное место и ждёт отправки. Вот с ней-то и вышла загвоздка.

– Пункт назначения? – с умеренным интересом спросил Светлов.

– Анива.

Светлов пососал сигару, беря паузу перед ответом. Южный Сахалин был классическим фронтиром, где ещё не установилась чья-либо власть. Претензии на эту территорию предъявляли и японцы, и китайцы, и новгородцы с нижегородцами. Но ни одна из держав не смогла укрепиться окончательно. А стало быть остров являлся удобным перевалочным пунктом контрабандистов, нелегалов и браконьеров, промысляющих котика в территориальных водах прилегающих стран.

От Анивы было рукой подать и до Японии, и до Китая, и до Камчатки, находящейся под властью Новгорода, и до Чумикана – морского форпоста Нижнего Новгорода. Частенько навдываются туда и американские суда практически всех крупных колоний, какой бы флаг над ними не развевался. И даже британские и норвежские китобои с удовольствием останавливаются там на отдых, получая весь необходимый сервис без уплаты портовых сборов.

Светлов перебрал в памяти газетные сообщения с Северо-западного побережья, Алеутских островов, Дальнего Востока, Сибири, припомнил рассказы приятелей, приехавших из тех мест позже него. Нигде не вызревало ничего особенного. Ничего, требующего крупных поставок. Ничего, намекающего на мятеж бурятов, тунгусов или пограничный конфликт с маньчжурами.

Оружие на границе с Китаем могло понадобиться только самим китайцам. Либо правительственным войскам, либо повстанцам. Вечная борьба обеспечивала вечный рынок. Вот только возникал небольшой нюанс, перечёркивающий предположение. Те объёмы, за которые обычно брался Светлов, вряд ли способны помочь какой-то из сторон гражданской войны, при их-то, китайцах, численности. И уж тем более столь мелкая контрабанда не способна помочь императрице Цы Си совладать с англичанами или французами. Да и непохож был его себе-седник на китайца. Уж Светлов навидался их всяких – южных, северных, горных, островных, но не встречал ни одного с европейским разрезом глаз.

Для японцев? Эти ещё долго будут уповать на мечи, доспехи и старые кремневые ружья великих дедов. Ведь не может быть плохим то, что освящено именами прежних владельцев, до деяний которых, нынешним их отпрыскам ещё расти и расти.

– Прежде чем я отвечу да или нет, мне следует выяснить некоторые подробности, – сказал Светлов. – Мне бы не хотелось, чтобы столь деликатный товар попал в руки негодяев. Например, был обращён против восставшего народа. Я готов вооружать тех, кто выступает против вооружённых же людей, но снабжать карателей или полулегальные наёмные банды, что стреляют во всё, что движется, не в моих правилах.

– Мне характеризовали вас, как человека с некоторыми убеждениями и моралью, редко свойственной людям вашей профессии.

– Всё потому, что для меня это не профессия, а скорее хобби. И так?

– Операция никак не затрагивает интересов ваших друзей.

– Разве я говорил о друзьях?

– Мне показалось, вы заботитесь о безопасности ваших единомышленников— революционеров.

Светлов поморщился. Он давно расстался с революционными иллюзиями. И единомышленников в том лагере у него осталось немного. Да и не было никакого «того лагеря». Многие из прежних друзей готовы были рвать глотки друг другу.

– Меня просто мутит от вида мёртвых детей, – сказал он. – Независимо от подданства, веры и политических взглядов родителей.

– Покупатели оружия не ставят карательных целей, за это я могу поручиться. Гражданские, насколько я понимаю, вообще их не интересуют.

– Хорошо, давайте пока отложим этот вопрос, – требовать доказательств в таком деле бессмысленно и Светлов просто прошупывал почву. – Скажите, зачем эти хитрости с контрабандой? Насколько я понимаю, никому из суздальцев оружие сейчас не нужно. А если покупатели иностранцы, почему бы не провести поставки легально? Наши парни любят продавать оружие, а Великий князь не ограничивает экспорт.

Клиент кивнул.

– Тому есть две причины, – сказал он. – Первая из которых – время. Товар нужен срочно. До наступления зимы он должен отправиться дальше. А все согласования с правительством занимают массу времени. Мы бы успели, но произошла задержка с поставками и пришлось ускоряться. К тому же, и это вторая причина, огласка нам не желательна.

– Мне почему-то кажется, что вторая причина важнее, – буркнул Светлов.

– Анива, как вы понимаете, только перевалочный пункт.

– Я догадался.

– Большого сказать не могу. К сожалению.

– Я сам скажу. Судя по североамериканскому акценту, вы оттуда и прибыли. Мягких звуков в вашей речи немного, так что вряд ли Калифорния или какой-то из испанских анклавов. Аляска исключается – там сохранился дальневосточный говор. Стало быть, Орегон или Британская Колумбия. Из чего я делаю вывод, что оружие предназначено американским индейцам, которые бунтуют либо против англичан, либо против североамериканских штатов. Если бы было верно первое предположение, то вам проще было бы купить оружие легально. Но, скорее всего цель – североамериканцы. А наш князь ищет с Вашингтоном дружбы и не захочет вооружать мятежников.

– Превосходно! – немного наигранно воскликнул незнакомец.

– В таком случае, не проще ли обратиться к англичанам? И путь короче и взаимный интерес на руку. Они с удовольствием поддержат врагов своего врага.

– Они и поддерживают, – скривился потенциальный клиент. – Не забывая получать прибыль от мены армейского хлама на выходные меха. Их дульнозарядные ружья с фитильным запалом суще старье, и каким бы сбродом не являлась армия Штатов, она легко разгонит эту братию в перьях, похожую на толпу оживших музейных манекенов.

– Не берусь осуждать британцев, – Светлов улыбнулся. – Они поступают мудро. Вчерашние союзники запросто могут повернуть ружья в другую сторону.

– Они скорее повернут ружья, не имея возможности вернуть негодный товар продавцу, – заметил собеседник. – Как только осознают его настоящее качество.

Светлов отложил сигару, сделал глоток коньяка и закусил кружочком лимона.

– Я так понял, речь идёт о винтовках, – подытожил он. – Гладкоствольные ружья проще и дешевле достать в Тобольске, что сократило бы проблемы вдвое. А ещё лучше скупить их у забайкальских казаков. Выйдет чуть дороже, но никаких издержек по перевозке, никаких потерь времени, а главное никакой огласки. Дробовик лучшее оружие в колониях, если дело не касается большой войны. А наши винтовки тем хороши, что к ним подходит североамериканский патрон, впрочем, как и английский. И вы, стало быть, предлагаете вооружить индейцев?

Незнакомец пожал плечами, как бы предоставляя Светлову самому выстраивать логическую цепочку.

– Ничего не имею против краснокожих, – сказал Светлов. – Но есть нюанс – они не видят разницы между солдатом и мирным поселенцем, между англичанином, испанцем или русским, а значит, могут затем разобраться и с нашими колониями. Таким образом, мы возвращаемся к моральным аспектам сделки.

– Риск есть всегда, – признал собеседник. – Когда вы вооружаете повстанцев, вы не можете быть уверенным, что они будут следовать идеалам, а не примутся грабить местное население. Любая революция ставит под знамена не только убежденных сторонников, но и так называемых попутчиков, не правда ли?

Собеседник наступил на большую мозоль. Вряд ли осознанно, скорее интуитивно. Светлов имел в биографии несколько неприятных эпизодов, которые он с радостью вычеркнул бы из памяти, но его собеседник не смог бы копать так глубоко. Уж оборвать нити, Светлов сумел. Одно дело память и совесть, другое – охранка, какой бы стране она не служила.

– Сколько?

– Триста стволов. Особо точных нарезных ружей дальнего боя. Павловского оружейного завода. С телескопическими прицелами.

Да уж. Если с винтовками Генри несколько десятков сиу смогли уничтожить целый американский полк, что они сделают имея три сотни снайперских стволов? Впрочем, он сомневался, что оружие предназначено краснокожим.

Тем временем собеседник взял салфетку и сложил её вдвое. Он открыл было рот чтобы что-то добавить, но тут их разговор был прерван самым возмутительным образом.

Грохот бьющейся посуды, шипение пара из упавшего самовара отвлекли внимание посетителей, а потому выстрел, который прозвучал почти одновременно, оказался незамеченным. Облачко пороховой гари смешалось с паром, но даже если кто-то и смог бы его разглядеть, то нашёл бы висящим над давно опустевшим местом.

Собеседник Светлова повалился на стол. То ли последним усилием воли, то ли в результате предсмертной конвульсии, он выбросил вперёд руку с зажатой в кулаке салфеткой.

Светлов машинально отклонился назад, готовый даже упасть на пол, если придется. Рука привычно юркнула в карман, где лежал его собственный револьвер – семимиллиметровый бельгийский «Галан». Но второго выстрела не последовало. Зато пауза помешала вычислить стреляющего, а когда Светлов, наконец, окинул взглядом зал, посетители смотрели в его сторону с одинаковым выражением ужаса.

– Боже мой, – схватился за сердце пожилой господин.

Почтмейстер выпустил из руки стакан с чаем. Тот грохнулся об пол и выплеснул на ноги рядом стоящим людям крутой кипяток, но никто из них даже не почувствовал этого. Господа морские офицеры держали руки на кобурах, однако, не успели достать оружие – так всё быстро произошло.

– Полиция! – закричал буфетчик мощным баритоном и несмотря на всю серьёзность и даже трагичность ситуации Светлов машинально отметил, что хозяину театра следовало бы вытащить на сцену буфетчика, а оперного солиста Гудкова поставить за стойку.

Он убрал большой палец с так и не взведенного курка, с нарочитой брезгливостью поднял за рукав запястье мертвеца и вытащил его из тарелки с лимонами. Затем вынул из побелевшего кулака салфетку, вытер руки и сунул салфетку в карман.

Глава вторая. Следствие

Среди поклонников известной нижегородской актрисы оказался весьма кстати и капитан криминальной полиции Виктор Ильич Алтуфьев.

– Никому не покидать зала, – распорядился он, врываясь в буфет. – Тихон, отправь кого-нибудь в участок за нарядом.

– Меры разумные, – буркнул Светлов. – Но запоздалые.

– Что вы имеете в виду? – капитан передвинул кресло от соседнего столика и уселся между жертвой и главным свидетелем.

Был он круглолицым и краснощёким, с усами «шеvron» торчащими вперед, точно щётка по металлу. Светлов мимоходом подумал, что в отношениях с женщинами полицейский начальник явно обходится без поцелуев. Так и лицо в кровь расцарапать не долго. И не только лицо.

– Как минимум пять человек... – задумчиво сказал он. – Да, пожалуй, что пять... покинули буфет до вашего появления.

– И вы, конечно же, сможете назвать их имена или хотя бы описать внешность?

– Увы, не смогу, – Светлов развел руками. – Во-первых, у меня плохая память на лица, а во-вторых, как раз лиц я не видел. Просто отмечаю, что людей сейчас меньше чем было.

– Тем не менее, у нас остаётся шанс отыскать преступника, – довольно оптимистичным тоном произнес Алтуфьев. – Вовсе не обязательно он среди тех, кто ушел. Люди иногда скрываются с места происшествия, просто чтобы не выступать свидетелями.

Этот оптимизм раздражал.

– Преступников, капитан, не преступника. Полагаю, их было как минимум двое.

– Двое?

– Кто-то из подручных устроил грохот, уронил самовар, а другой под шумок завалил моего собеседника.

– Кто он?

– Я не увидел.

– Я имею в виду вашего товарища.

– Мы не товарищи, господин капитан, давайте обозначим этот момент сразу. Я впервые встретил его здесь. Даже не успел узнать имени.

Светлов говорил чистейшую правду и это придавало его голосу убедительности.

Капитан не стал дожидаться подчинённых, а сам проверил карманы убитого и осторожно, взяв кончиками пальцев за виски, приподнял его голову.

– Да, он нездешний и никаких документов. Впрочем, сейчас много приезжих. Ярмарка вот-вот начнётся. Нам придётся попотеть, чтобы установить его личность.

– Нечего потеть, – бросил Светлов. – Просто купите завтрашние газеты. В них наверняка напечатают всю его историю, а заодно и выложат основные версии убийства.

– Вы не слишком хорошего мнения о работе полиции?

– Есть такое дело.

Капитан помолчал с минуту.

– Зачем вы здесь, Светлов? – спросил он. – Всякий в городе знает, что вы не любитель иностранной драмы.

– Отнюдь. Я просто чувствую некоторую фальшь, когда русская актриса играет Терезию или Амалию. Но когда она играет Катерину, Маньку или княгиню Ольгу готов снять шляпу и разрыдаться. Французскую драму пусть играют французы, а итальянскую оперу пусть поют итальянцы, у них, поверьте, это получается лучше.

– Я что хочу сказать, – гнул своё капитан, которого не так-то просто было сбить с толку. – Вам здесь ровным счётом нечего делать. Но вы здесь. А тот, кто стрелял, сделал это столь аккуратно, что кровь жертвы даже не попала на вас. Как будто ему нарочно посоветовали выбрать именно такое направление выстрела.

– У вас богатое воображение, капитан. Именно как не любитель русской интерпретации Дюканжа, я и сидел в буфете. Заметьте, нас здесь много таких нелюбителей собралось. Театр, это ведь не только представление. Это особая атмосфера, капитан, понятная впрочем только заядлым театралам.

– Правда? Особая атмосфера? Но даже если и так, то ваша персона выделяется среди прочих.

– С чего бы это?

– Вы знаете, что находитесь под негласным надзором тайной полиции? Ваши подвиги в Америке и Европе в своё время наделали много шума.

– Какой же он к бесам негласный, когда это известно всякому.

– Мне плевать на политику. Охрана короны не ловит мышей, но это их дело. Однако вы слишком часто попадаете в поле зрения и криминальной полиции. А потому в любом происшествии, где только мелькнёт ваша фамилия, вы неизменно возглавите список подозреваемых.

В это время со стороны зрительного зала послышались аплодисменты, овации, а по лестнице затопали сапоги. В буфете появился полицейский наряд. Алтуфьев раздал указания, и началась рутина допросов. Однако сам капитан остался за столиком Светлова.

– Оружие у вас при себе? – спросил он.

– Конечно.

– Позвольте взглянуть?

– Ради бога.

Светлов вытащил из кармана револьвер. Алтуфьев понюхал ствол, и словно не доверяя одному только обонянию, засунул внутрь мизинец. Палец вернулся слегка испачканный смазкой, Алтуфьев невозмутимо вытер его салфеткой.

– Не стрелял со вчерашнего дня, – усмехнулся Светлов. – Тем более сложно представить, будто я успел забежать бедняге за спину, выстрелить и вернуться назад.

– Мы проверим оружие у всех присутствующих, – заверил капитан.

– Боюсь, что искомый ствол окажется не у них.

Выйдя на набережную Обводного канала и пройдя по ней некоторое время, Светлов вытащил из кармана салфетку. Она стала единственным его трофеем и возможно превратится в путеводную ниточку. Покойник мог оставить адресок или какое-нибудь иное указание. Он мог, например, предчувствуя опасность подстраховаться, или собирался назначить встречу в более спокойном месте и записал адрес заранее, не желая произносить его вслух.

Увы. Не то чтобы салфетка оказалась совершенно чистой, даже напротив – Светлов различил следы пикантного соуса, но вот никакой полезной информации она не содержала.

Оставалось полагаться на логику и память. Жалуясь на слабость последней полицейскому капитану, Светлов, конечно, лукавил. Он превосходно запомнил каждого посетителя и теперь перебирал в голове портреты людей, которые с момента его появления и до рокового выстрела находились в буфете.

Девятнадцать театральных завсегдатаев в большей или меньшей степени знакомых Светлову можно было пока отложить. Они никуда не денутся.

Два морских офицера не могли быть завсегдатаями потому, что рядом с Нижним Новгородом не случилось подходящего моря. Если только они не болели театром в совсем юном воз-

расте до поступления в Иркутское мореходное училище. Оба наверняка находились в коротком отпуске или командировке, хотя не исключено, что служили при штабе. Мичман, с которым он переговорил в очереди, возможно, приезжал в Кремль для получения офицерского патента из рук Великого Князя.

Почтмейстер слишком стар для такого стресса. За исключением тех пятерых, что скрылись до появления полицейского капитана, подозрительных больше не было. Ну кто ещё? Буфетчик, посудомойка, жертва? Исключено. Ещё трое приезжих, которых он лично не знал, но которые беседовали с его знакомыми, а значит установить их личности в принципе не составит труда. Всё? Нет, был ещё один человек, который заглянул в буфет минут через пять после начала беседы, но вышел незадолго до выстрела. Его Светлов также видел впервые. Однако этот последний стрелять не мог. И обрушить самоварный столик тоже. Хотя его причастность к убийству вовсе не исключается. Он мог дать сигнал, подтвердить личность жертвы или зафиксировать её контакт со Светловым. Вот этого последнего очень бы не хотелось.

Для подозрений пока слишком мало информации. Конечно, бедолагу могли шлёпнуть не из-за проклятых винтовок, а по какой-то другой причине. Во втором случае никакие размышления не помогут. По крайней мере, до тех пор, пока Светлов не узнает имя и биографию своего собеседника или не получит какой-то дополнительной информации. Так что именно покупка оружия была главной версией.

Хорошо бы узнать, где оно хранится сейчас. Для этого недостаточно было обладать информацией о том, кому оружие предназначается. Тем более, что Светлов получил лишь название городка первопроходцев на Сахалине. Ни адреса, ни контактной персоны. Но у всякой ниточки два конца. Если нельзя уточнить конечный пункт, то вполне реально узнать, откуда оружие появилось. И таким образом выйти на нынешнее местонахождение винтовок. А оттуда уже можно будет размотать весь клубок.

За ним наверняка следили, раз убийца оказался в буфете. Почему позволили передать информацию? Почему не шлёпнули раньше? Желали выйти на цепочку поставок? Тогда жизнь Светлова окажется в опасности. И пустая салфетка может сыграть роль дополнительной приманки. Что ж, мысль заманчивая. Ничего не делать, подождать, пока убийцы сами не выскочат на него, а уж там его удача и опыт позволят распутать дело одним махом.

Но Светлов ждать не любил. Да и дело, как заявил клиент, не терпело отлагательства. Клиент? Вот тут было над чем подумать. Договора они не заключали. И в принципе он был свободен от каких-либо обязательств. Он мог просто наплевать и продолжить жить прежней жизнью. Даже если убийцы попытаются навестись к нему, он справится. Но что-то внутри него уже решило разобраться во всём, да и покойник вызвал в нём симпатию, а значит, его можно с полным правом назвать клиентом.

Нужно выяснить подробности дела этим же вечером, пусть даже ночью, потому что завтра все ниточки будут обрублены той или другой стороной, а полиция приберёт к рукам то, что останется и в довершении затопчет следы так, что и сорная трава не вырастит несколько лет.

Проще всего пройтись по гостиницам и мебелирашкам, пока те ещё не заполнил до отказа приезжающий на ярмарку народ. Капитан наверняка так и поступит. Будет трясти метрдотелей, хозяев, пока не соберёт информацию обо всех иностранцах. Затем перейдет к ночлежкам, трактирам и прочим заведениям низшего сорта. У Светлова есть более существенная зацепка – акцент жертвы и возможно его происхождение, что резко сокращало круг поисков. Вряд ли сейчас в Нижнем много гостей с Дальнего Востока. Во всяком случае, найти того, кто не вернулся вечером в номер было бы проще простого.

Но Светлов по гостиницам не пошёл. Он не хотел давать полиции повод для подозрения и задержания. Капитан слыл ушлым малым и вполне мог приставить к основному свидетелю топтунов. Или Светлов мог случайно наткнуться на полицейскую агентуру в гостини-

цах. А препятствование следствию или частное расследование без лицензии и уведомления полицейского департамента – серьезное правонарушение. На каторгу, понятно, не тянет, даже на тюрьму, но временный арест схлопотать можно запросто. Алтуфьев если вцепится, то сразу не отстанет. Сломать матёрого контрабандиста кишка у него тонка, но пару дней жизни испортить вполне во власти капитана. А пара дней в нынешней ситуации решает многое.

Единственное его преимущество – информация о покупке оружия.

Большая партия оружия не могла не оставить следов. Три сотни снайперских винтовок не купишь запросто в магазине, а любые сделки такого рода обязательно попадают в поле зрения Тайной полиции. В Европе полыхают революции, монархи помогают друг другу в поимке бунтовщиков. Следовательно, даже если клиент и не связан был с подпольем, чего Светлов до конца не отбрасывал, несмотря на заверения, операция должна была проходить через кого-то из коллег по нелегальному бизнесу.

Винтовки, тем паче снайперские, производят только казённые заводы. И поставки осуществляются только с согласия правительства и только аккредитованными экспортёрами. Нелегальная партия могла пройти через несколько лиц и вернее всего через Айдара, который долгое время работал на казну и лишь на старости лет занялся подпольным бизнесом.

Несмотря на пустоту Ярмарки в межсезонье, ночи не случалось, чтобы здесь не возникала перестрелка или поножовщина, и не случалось утра, чтобы из Обводного канала или Мещерского озера не вылавливали очередной труп. После Ярмарки человеческие останки во множестве находили при чистке подземной галереи, куда сливались нечистоты из общественных нужников.

Но сегодня и завтра пугающие обывателей трущобы были не опасней чем плац перед казармами кремлевского гарнизона.

Ещё через несколько дней здесь воцарится столпотворение и начнется лихая работа. По железной дороге уже прибывают гастролеры из Суздаля и Тобольска, по Волге – из Ярославля и Казани, по Оке – из Москвы и Рязани. Местный криминал встречает каждого. Каждый должен будет отдать с доходов долю в общак за гостеприимство, за безопасность. Непокорные отправятся домой порезанными или пополнят статистику насильственных смертей полицейского департамента.

Пока же криминальный мир постился в ожидании скорого разговения.

На Обводном канале Светлов проверил, нет ли за ним хвоста (на пешеходных мостиках легко было заметить слежку), а затем быстро прошёл через лабиринт мелких лавок, обогнул мечеть и углубился в дебри павильонов, балаганов и складов, принадлежащих татарской общине.

Он постучал в неприметную дверь одного из длинных и приземистых кирпичных складов и простоял несколько минут, прежде чем ему открыли.

– Зайчем пиришёл? – нахмурился Айдар, сразу узнав позднего гостя.

Светлов никогда не появлялся у татарина посреди ночи. Их дела не требовали спешки. Тем не менее, Айдар посторонился и впустил гостя в некое подобие прихожей, где стояли рядом с дюжину пар разной обуви и переметные сумки. Но дальше внутрь не пригласил. Лишь когда сквозняк распахнул занавеску, что служила здесь вместо двери, гость смог увидеть на миг просторную комнату, отгороженную от складских помещений перегородкой. В комнате на полу сидело человек шесть татар. От казана, висящего над очагом, исходил пар с ароматом конины

и чеснока. Дым и пар поднимались к крыше и уходили через дыру. Татары тихо говорили и не обратили на Светлого никакого внимания. Разумеется и к «столу» хозяин его не пригласил.

– Винтовки, – коротко сказал Светлов.

Татарин молча шевельнул ладонью, призывая следовать за собой и провёл его в небольшую комнатку, расположенную справа от прихожей.

Там стоял стол, конторка и нормальные табуретки. Светлов присел на одну из них, хозяин остался стоять.

– Тебе нужны винтовки? – спросил он. – Сиколько?

– Нет, Айдар. Мне не нужны винтовки. Я ищу того, кто купил их у тебя. Триста штук винтовок дальнего боя.

– Зайчем пиришёл? – повторил татарин и нахмурился ещё больше.

Оно понятно. Сдавать покупателей в их кругу было не принято.

– Моего клиента сегодня убили, – Светлов, сам не понимая почему, решил поднять статус жертвы до клиента. – Понимаешь, Айдар? Его убили, а я не знаю, где он свалил мой груз.

Татарин некоторое время размышлял, стоит ли продолжать разговор. Трижды погладил бороду и почесал нос.

– Силушай. Посиледний виремя никто не бираль винтовок. Шимугель не бираль.

Шимугелями Айдар называл контрабандистов. Вроде самого Светлова. И скорее всего татарин не врал. Если бы решил скрыть правду, то попросту промолчал бы и выпроводил бы гостя за порог. Но когда честь не требовала молчать, он предпочитал говорить правду. Во всяком случае людям, с которыми вёл дела. А им ещё возможно не раз придется сотрудничать. Так зачем темнить, если со лжи нет корысти, а с правды урона?

– А что до легальных партий? – спросил Светлов.

Ему вдруг пришло в голову, что контрабандист мог понадобиться заказчикам только на последнем этапе, а до того, они вполне могли приобрести оружие легально. Под прикрытием какого-нибудь спортивного клуба или охотничьего общества. Хотя такая схема и выглядела слишком сложной, но не исключалась вовсе.

Тем временем Айдар всё ещё раздумывал, прикрыв глаза для лучшего сосредоточения и даже покачивался взад вперед, точно дерево на ветру. Видимо разнообразных партий через него прошло изрядно. Но не рассказывать же обо всех?

– Таких было миного, – наконец сказал татарин. – Чито за винтовки?

– Дальнего боя. С телескопами. Большая партия.

– С оптикой не былъ, потряс он головой. – Нетъ! Сюда не былъ. Только эксипорт.

– Куда?

– Болишие паритии. Рязань. Тиверь. Лиетува миного не бирал.

Ниточка оборвалась. Рязань и Тверь не имели интереса ни в Америке, ни на Дальнем Востоке. Теоретически Рязань могла сцепиться с Китаем в киргизских степях. Но доставить оружие туда поселенцам коммерсанты могли вполне легально. Рязанские законы об оружии были самыми либеральными среди государств Европы. Большую часть территории княжества заселяли казаки, для которых винтовка являлась жизненной необходимостью.

– Спасибо, Айдар.

– Сочитёмися!

Глава третья. Оружие

Он вновь вдохнул пока ещё свежий воздух Ярмарки (когда на полную мощность заработают общественные сортиры, даже современные вытяжки и регулярные прокачки воды не помогут избежать естественных запахов от сотен тысяч посетителей). Затем он подумал, что возможно стоило бы проверить легальные сделки. Иногда ими прикрывали контрабанду.

Вопрос, который возник после спада первого часа активности, когда кровь бежала по жилам подгоняемая недавними впечатлениями, заключался в том, стоит ли ему соваться дальше в это дело? Его ли это дело вообще? Он объявил покойника клиентом лишь самому себе, никто этого не слышал, а значит и не осудит, если Светлов решит соскочить. Тем более, что по большому счёту и сказку про краснокожих, жаждущих освобождения, он сочинил сам, а контрагент только поддакивал, позволяя ему составить убедительную легенду. Не исключено, что винтовки предназначались кому-то ещё.

Быть может, как раз в этом всё дело? Не мог он бросить загадку на половине дороги. Алтуфьев хоть и не глуп, но наверняка завалит дело, корни которого тянутся далеко на восток, что земли там называются уже дальним западом.

К тому же всё равно до дома далеко, как и до утра, а продолжить следствие можно просто пересмотрев газеты и журналы. Библиотеки, понятно, уже закрылись (да и располагались они в Нагорной части города, куда среди ночи добраться непросто), зато трактиров и чайных-читален, где газетные подшивки выдавали всякому желающему, работало круглую ночь сколько угодно.

Трактир показался Светлову заведением для раздумий слишком шумным, а вот чайная в самый раз. К одной из них, что располагалась среди постоянных дворов у Баранцева озера, он и направился.

Хозяева чайных, разумеется, тоже приторговывали спиртным из-под полы, маскируя его чаем или травяным отваром, но они по крайней мере старались соблюсти приличия, чтобы не лишиться лицензии. Любые свары могли привлечь ненужное внимание фискалов. Поэтому хоть народу здесь обитало много, но народу не буйного. Крестьяне, лодочники, возчики. Все те, кому завтра предстояло рано вставать, а утром иметь свежую голову. Правда запахи стояли здесь даже хуже, чем в пивной. Большею частью люди пришли с дороги, немывыми. Многие сушили у печки носки, рубахи, порты, которые не столько постирали, сколько слегка прополоскали в реке.

Запахи, однако, делу не помеха. В его работе к ним было не привыкать. Иногда Светлову приходилось ночевать в таких местах, что это в сравнении с ними можно принять за дворец английского короля Джона, известного своей чистоплотностью, пусть и жил он в средние века.

За четвертак (монета в 25 копеек) Светлов получил особый столик для гостей со средствами. Его поставили в чистом углу, подальше от сквозняка и покрыли белой скатертью. Здесь стоял букетик цветов в стакане и небольшой самовар, а половой тотчас принес фарфоровый чайник с заваркой лучшего черного байхового чая, розетку с колотым сахаром и блюдце с лимоном. Затем перед Светловым появились подшивки «Нижегородского вестника» и «Монитора».

Он смутно представлял, что именно ищет. Айдар выложил всё что знал, но никакой конкретной зацепки в его словах не было. Поэтому пришлось листать и просматривать всё подряд. Начиная с марта газеты только и писали, что о предстоящей конференции по сибирскому транзиту. Позже к ним добавилась аналитика по видам на ярмарочные торги, возмож-

ным ценам на пшеницу. Казенные указы, криминальная хроника. Про войну идущую или грядущую не писали. Про поставки оружия тоже.

Наконец, в номере «Монитора» за май он наткнулся на интересную заметку. В ней уведомлялось, что нижегородский торговец Пётр Семёнович Гладышев снарядил шхуну в Гилян. Главный груз – пятьдесят ящиков с оружием и боеприпасами для тамошних казаков, в том числе и с винтовками дальнего боя. До порта назначения шхуна не дошла. Она утонула в Каспийском море во время «норда» – свирепого ветра, на который удобно списывать многие беды. Торговец и вся команда счастливо спаслись, а поскольку груз оказался не застрахован, то и тщательного следствия не проводилось, несмотря на явную гнилость рангоута и ветхость оснастки судна. Гладышев согласился возместить потери из собственного кармана и доставить требуемую партию в Гилян к концу года.

Заметка стоила затраченного четвертака и Светлов вырвал её из газеты. С библиотечными подшивками он так не поступил бы, не позволило бы воспитание. Но в чайных газеты долго не живут, их быстро разбирают на самокрутки и прочие надобности бедноты.

Шагать пришлось недалеко, благо на Ярмарке всё рядом. Склады Гладышева располагались ближе к Кунавино и железной станции, недалеко от ипподрома и Армянской церкви. А поскольку открытие торгов ожидалось со дня на день, то и хозяин торчал на складах безвылазно.

Гладышев ничуть не удивился появлению Светлова, мало того, увидев его, он даже вздохнул облегчённо.

– А где Мохнатый? – спросил купец, сперва выглянув наружу, а потом заперев дверь на несколько засовов и замков.

– Я не знаю никакого Мохнатого, – отрезал он.

– Он отправился на встречу... Я так понял, что с вами.

Пётр Семёнович заметно нервничал. А ведь Светлов знал его некогда, как цепкого мироеда, поедающего конкурентов на завтрак, обед и ужин. Что могло так напугать паука? Если верить газетам, он ещё в мае провернул красивую аферу со старой шхуной. И склады его забиты первосортным товаром (а другой выксунские заводы и не выпускают). Не бедствует. На приказчиков работу не перекладывает. То есть купец находится, что называется, в хороших условиях, о спокойной старости не помышляет.

– В таком случае вы больше не встретитесь, – сказал Светлов после паузы. – Твой товарищ приказал долго жить.

Светлов перешел на «ты» намеренно. Не от презрения, а чтобы поставить купчишку в подчиненное положение, подавить психологически, а потом выудить побольше информации. Обычный трюк. Можно ещё загнать голым в болотце или заставить за чем-нибудь постыдным. Можно в ухо ударить без предисловий. Клиент всегда охотнее говорит, когда признает в тебе превосходство.

– Умер? – тихо переспросил Гладышев.

– Можно и так сказать. Но если быть точным его убили. И убили из-за партии оружия, как я понимаю.

– Вот, чёрт! – купец совсем скис. – Как чувствовал, что не стоит связываться с этим делом, как чувствовал.

Не то чтобы купеческое сословие вызывало у Светлова презрение, но определённое неприятие он к мироедам всегда испытывал. Есть среди них и приличные люди, готовые рисковать ради прибыли собственной головой, есть и те, кто готов потратить на общественные

нужды. Но типы вроде Гладышева предпочитают грести жар чужими руками, оставляя себе лишь подсчет барышей.

– Хорошо, что ты заговорил о деле, – сурово заговорил Светлов. – Я готов избавить тебя от товара, если расскажешь мне всё. Кто стоял за этим Мохнатым? Зачем им нужно оружие, и главное – кому его нужно поставить?

– Я мало что знаю, господин Светлов, – запричитал Гладышев. – Адресочек отдал бы, да нет его, есть только имечко.

Купец порылся в шкатулке и протянул Светлову картонку явно оторванную от какой-то коробки.

«Савл. Парусный мастер» значилось на картонке.

– Не густо, ну да ладно. Расскажи, как он на тебя вышел?

– Мохнатый? – переспросил Гладышев. – Нашёл меня в ресторации у Биньона Жюниора. Сказал что из Америки. Предложил хорошие деньги. Готов был заплатить большую часть вперёд. А у меня как раз сделка с рязанцами, ну я и провернул. Дельце-то выгодное.

– Целую шхуну с товаром потопил ради трёх сотен винтовок?

– Так ведь не было ничего на шхуне той. Обычные ружья, пистолеты, капсюли и порох я потом толкнул. А винтовки приготовил к отправке. Да только никак оказии не находилось.

– Очканул, Пётр Семёнович? – презрительно бросил Светлов. – А пока ты варианты искал, слух какой-то пошёл, вот и шлёпнули паренька ни за что. Груз хотя бы здесь?

– Да, здесь.

– Хотелось бы взглянуть.

Гладышев вытащил связку ключей и повёл его внутрь складов.

– Мохнатый говорил, что заметил за собой слежку, – сказал купец по дороге. – Он подозревал тайную полицию, но ведь Третье отделение не стало бы его убивать, верно?

Они шли между стеллажей со скобяной мелочью, штабелями ящиков с механизмами и запасными частями.

– Кто их знает, – пожал плечами Светлов. – Иной раз им удобнее спрятать концы в воду и не поднимать шума.

– Что вы такое говорите...

– Признайся, Пётр Семёнович, когда Мохнатый сообщил, что заметил слежку, ты перепугался и решил подставить меня?

– Нет, – Гладышев перекрестился. – Подставлять? Вас? Нет! И в голову бы не пришло! Я даже не называл ему вашего имени. Просто посоветовал найти кого-то, кто сможет доставить груз ловчее меня. Он сам назвал имя. Я лишь согласился и отрекомендовал вас, как профессионального человека.

– Профессионалы очень не любят подбирать чужие заказы. Тем более гнилые.

– Но я сам бы завалил всё дело. У меня нет связей на Дальнем Востоке.

– Зачем вообще взялся?

– Так ведь большие деньги!

– Насколько большие?

– Сверх стоимости оружия и всех расходов на ту историю с шхуной, он выдал пять тысяч нижегородских рублей. Плюс обещал покрыть все расходы на дорогу до места. А в Аниве, заплатил бы ещё пять тысяч.

За десять тысяч такие как Гладышев удавятся. Правда он и сам взял бы не меньше. Слишком уж велик риск и в дороге, и на таможнях.

Они подошли к глухой стене у дальнего торца склада. Гладышев оглянулся и сорвал брезент с небольшой горки. Винтовки лежали в стандартных ящиках с клеймом Павловского завода по десять штук в каждом. Телескопические прицелы лежали в отдельном отделении, переложенная сухим мхом и нарезкой из соломы.

Светлов прикинул. Каждый ствол весил пять килограммов, ящик – пятьдесят, весь груз – полторы метрические тонны.

– И куда мне с ними плюхать через полмира в заводской-то таре? – спросил он.

Купец развёл руками. Светлов вернулся немного назад и осмотрел штабеля с подходящими по размеру ящиками.

– Что здесь?

– Паровые машины, редукторы, запчасти.

– Отлично. Вот эти с редукторами подойдут. Нужно сложить винтовки туда. Оптику дополнительно завернуть в тряпки. И лучше сделай всё сам, ручками, без свидетелей.

– А куда же я дену машины? Торги вот-вот начнутся.

– Ты кажется не понял. По моим следам идёт полиция, а если этого мало, то идут и те, кто убили твоего клиента. Ещё пара дней и кто-то из них доберётся до тебя. Если хочешь избавиться от груза, пошевели задницей. Выпиши накладную на редукторы, доверенность на представление твоих интересов на Дальнем Востоке. Через неделю, не раньше, можешь заказать новые ящики.

Убийцей клиента мог оказаться кто-то из причастных к делу. Тогда проще было бы сперва размотать всю цепочку и уж потом гадать, у кого сдали нервы? Причин могло быть несколько. Деньги. Политическая игра. Случайный конфликт. Но этот некто вполне мог нанять для грязной работы особого человека. Если убийца был наёмным, то не принадлежал к высшему обществу или даже к мелкой буржуазии. Встречаются, конечно, и среди них любители пустить кровушку, но чаще за собственный интерес, не за гонорар.

Так что наемника искать следовало среди низов, на самом нижегородском дне. Не все там ходили в лохмотьях, были и такие, кого на улице сразу и не отличишь от дородного господина. Такой и в театр без подозрений попасть мог запросто и в буфете своим показаться. А некоторые из воровского сословия, как доподлинно знал Светлов, туда хаживали регулярно, будучи не лишены тяги к прекрасному. И не всех их он знал в лицо. Так что некоторые из незнакомцев в театральном буфете вполне могли оказаться этой породы.

Для очистки совести он решил заскочит на Самокатную площадь, которая имела дурную славу даже среди не слишком притязательного населения левого берега Оки. Подобно московской Хитровке Самокаты являлись сосредоточием преступности, азарта и разврата. Жизнь здесь бурлила всю ночь, порой перетекая в поножовщину, стрельбу или обычные кулачные бои. Мирных клиентов обычно не трогали (если они не пытались уйти домой с крупным выигрышем). Но трезвый господин в хорошем костюме без веселой девицы под рукой неизменно вызывал подозрение. И хотя уже светало, это не делало задачу Светлова проще. Если по Ярмарке опасно было разгуливать среди ночи, то на Самокаты не стоило соваться и среди бела дня. Даже полиция без усиления жандармами или военными предпочитала игнорировать этот географический объект.

Если не присматриваться к слишком утилитарным и грубым фасадам торговых рядов, Ярмарка походила на Амстердам. Система каналов позволяла подвозить товар прямо к складам на баржах и стругах. Для питания системы водой и прохода судов Волгу соединили с Мещерским озером, от которого водные артерии направляли воду уже в ярмарочные каналы, а затем всё лишнее спускалось в Оку. В засушливое время на помощь Волге приходила Пыра, что текла среди болот от самого Черноречья. От неё вел вспомогательный канал.

Но то ли в расчеты закралась ошибка, то ли воды стало меньше, так или иначе Пырский канал обмелел и заболотился. Его легко переходили вброд во множестве мест и люди и скот.

С другой стороны берега стали топкими, неудобными для организации складов. Вот в этом труднодоступном секторе, окруженном озером, каналами и обширными канавинскими болотами расположились Самокаты.

Здесь находились и вполне легальные заведения, платящие в казну положенные сборы, но больше было подпольных. Одни буквально скрывались в сырых подвалах, другие маскировались под заброшенные склады, третьи устраивались на островках посреди болот. К одному из таких тайных убежищ вели хлипкие мостки кое-как переброшенные через заполненные чёрной водой ямы.

Едва Светлов ступил ступил на песчаный, поросший ивняком берег островка, как его окликнул писклявый голос:

– Сто хосподин-холосий, девощку исешь? Их есть тут, а то и мальшонку сооблаздить мозем. были бы глоши. Есть у хосоподина-холосего глоши?

– Уймись, плесень, – бросил Светлов, с места, однако, не двигаясь. – Мне нужен Ванюта. В кустах затрещали ветки, затем на целую минуту установилась полная тишина.

– Платит всякий тютя за подход к Ванюте.

На этот раз голос был другим. И очевидно требовался какой-то определённый ответ, которого Светлов просто не знал. Не был он частью криминального сообщества, несмотря на занятия контрабандой. Дела вел, но не здесь. С Ванютой он встречался в городе, на Бульваре, что огибает Кремль. Каждому дню недели соответствовала своя башня. А за день до встречи Светлов обязательно подавал знак – бросал гнутую монетку мальчонке, что чистил обувь на Осыпной улице, у входа в Чернопрудский сад.

Здесь же, в чужой среде, он не знал, как себя повести. Если согласишься платить неизвестно какую цену, то наверняка огребёшь за простоту, а пошлешь говорящего огребёшь вдвойне за дерзость. Тем более, что на стрёме наверняка какие-нибудь шестёрки стоят, и вступить с ними в долгий разговор значило бы понизить свой статус.

– Всякий пусть и платит, – ответил он, стараясь сохранить нейтральность.

Видимо ответ засчитали за приемлемый.

– В шалмане Ванюта. Иди по тропке не ошибёшься. А ошибёшься, так назад не вернёшься.

Он и сам знал куда идти, но без разрешения запросто наткнулся бы ребрами на нож или горлом на петельку из конского волоса. Но и теперь на всякий случай сунул руку в карман, где держал револьвер. Большим пальцем взвёл курок, а ствол приподнял, чтобы выстрелить вперед или в сторону не делая лишних движений.

Кое где на мокром песке и топкой земле были уложены старые доски и куски топляка, где-то присыпали битым кирпичом. По этой тропинке он вышел к сердцу островка – небольшой возвышенности, которую не заливало даже в весеннее половодье. Тут стояла старая пыльная рама, несколько сараев. Шалман представлял собой длинный барак, в котором когда-то жили строители канала. Теперь часть здания отвели под подпольную корчму, часть под публичный дом, а часть под номера для постояльцев.

За исключением двух-трех человек, на него не обратили внимания. Раз дошел, значит свой или к своим. А если и случайно попал, то быстро выдаст себя. Впрочем большинство уже спало на лавках и под ними.

Кабатчик молча поставил на стойку пустой стакан и взглянул на клиента. Самогон местный, как знал Светлов, лучше не пробовать. Хвосты и головы здесь не отсекают, экономя на каждой капле. А поскольку своим шмурдяка не нальешь, то стараются впарить таким вот заходим. Или совсем опустившимся, кому заплатить нечем. От такого пойла запросто ослепнуть можно. А вот пивом не отравишься и в голову оно сильно не ударит. Варят его в одном котле для всех и разливают из одной бочки. Конечно, могут подсыпать чего в кружку, если глаза отведёшь...

– Пиво, – сказал он и глаз, естественно, не отводил.

Хозяин убрал стакан, взял оловянную кружку, дунул, чтобы вымести сор, ловко нацедил пивка с крепкой белой шапкой пены.

– Мне нужен Ванюта, – сказал Светлов. – Буду ждать вон там.

Он расплатился монеткой и отошел к длинному столу за которым по столь раннему времени уже никого не осталось. Впрочем одна ранняя птичка вскоре появилась.

Девушка выглядела помятой. От неё пахло развратом. Подошла и без предисловий попыталась присесть к нему на колени. Он шлепнул её по попе, легонько шлёпнул, без страсти, злобы или намёка, просто чтобы спровадить вон. Так и не сказав ни слова, она ушла. Наступила относительная тишина. Где-то под лавкой храпели посетители, да хозяин за прилавком негромко гремел пустой посудой. Он только раз вышел за дверь в соседнюю комнатушку, и Светлов надеялся, что передал весточку кому следует.

Ждать пришлось больше часа.

Только тогда появился человек в красной рубахе и полосатых штанах. Был он крупным, точно борец в балагане. Лицо его, однако, не выглядело заспанным, скорее уставшим. Может он деньги всю ночь считал, может пытал кого, но спать явно не прилёт. Впрочем, как и Светлов.

– Налей чего-нибудь, – бросил Ванюта корчмарю, показав на себя и гостя.

– Что случилось? – спросил он у Светлова. – Не мог весточку кинуть?

Хозяин наполнил стопочки какой-то наливкой желтоватого, но не маслянистого цвета. Ванюта сразу выпил свою.

– Не мог. Дело срочное, – Светлов тоже опрокинул стопку в горло и, кроме привычного жжения, ощутил приятный вкус апельсина и мяты. – Моего парня вечером зажмурили и мне нужно знать, кто это сделал?

Ванюта вскинул бровь.

– Нет, не для предьявы нужно знать, – отмахнулся Светлов. – За этим бы к тебе не пришёл, всё понимаю. Но мне нужно узнать про долги покойника. И вернуть кому полагается. А это дело святое.

– Театр? – спросил Ванюта.

– Театр.

– Никого из наших там не было.

Он ладонью остановил хозяина, который собирался наполнить стопки повторно. Хорошего, мол, помаленьку.

– Гастролёр? – спросил Светлов.

– Вряд ли. Я бы знал.

– Вообще ничего сказать не можешь?

Ванюта хмыкнул.

– Кое-что могу. Ходили по Самокатам морячки, волыны вынюхивали. А зачем морячкам волыны? У них свои стволы есть.

– А...

– Подробности не спрашивай, не знаю. Никто им, понятно, ничего не сказал, не показал. За это можешь быть спокоен.

– Ладно. Есть еще одно дельце. Нужен канал в Сибирь.

– После Ярмарки будет. Пароход до Перми пошлёт. Машинист свой, суперкарго и несколько матросов. Капитан с понятиями. Дальше на лодках по Чусовой вверх, до первых переборов, а оттуда ребята на вьючных лошадях чрез Камень перебросят. Цену знаешь.

– Боюсь, после Ярмарки поздно будет.

– Тебе выбирать. Я предложил.

– Спасибо.

– Сочтёмся.

Контекст II

Непрерывное паровое сообщение от Нижнего Новгорода через Урал и всю Сибирь до самого Восточного океана стало идеей фикс подряд нескольких суздальский (нижегородских) князей. Очевидная для современников мысль, что возможно пустить по крупным рекам курьерские пароходы, а сами реки в районах прежних волоков и переносов соединить железными лежнями и таким образом проложить скоростной транссибирский путь для людей и товаров, хоть и витала в воздухе с самого начала эпохи пара, встречала мощное сопротивление ряда чиновников, поскольку предполагала грандиозные капитальные затраты и долгий срок окупаемости.

Ещё до развития железных дорог, бассейны Оби и Енисея было замыслено соединить судоходным каналом. Существовало несколько проработанных проектов, один из которых, по рекам Кеть и Кас, и был в конце концов осуществлен. Но выход к Байкалу и далее к Лене проходил по горной местности и бурной Ангаре, плавание по которой требовало иных способов передвижения, нежели привычные колесные пароходы.

В этой горной стране затраты на строительство путей сообщения обещали быть колоссальными, а доход выходил почти никакой. Слишком малонаселенна Сибирь, слишком слаба её экономика. Илимские пашни и кузнецкие месторождения не давали нужного для рентабельности объёма перевозок. Меха́вая торговля испокон веку довольствовалась санным путем, да и уступала новгородской значительно. Идея непрерывного парового сообщения была отложена на неопределённое время.

Транзит китайского чая в Европу вновь привлек внимание к сибирскому маршруту. Британские чайные клиперы преодолевали путь от Шанхая до Лондона за три месяца. Транссибирский маршрут, если его перевести на пар, позволял бы сделать это вдвое быстрее. Причем большая часть времени приходилась в этом случае на китайские торговые караваны от внутренних районов Поднебесной до Маймачена и далее до Байкала.

Возможности транзита широко обсуждались в прессе в середине 50-х годов, дебатировались на промышленных и купеческих съездах. За счёт казны были проведены предварительные изыскания с вариантами трассировки маршрута. Не доставало лишь последнего толчка. И он, в конце концов, был получен с неожиданной стороны.

Ситуацию изменило открытие золотых россыпей на притоках Лены. Богатство манило авантюристов, рабочих, переселенцев, за которыми последовали торговцы и перекупщики. Но главное – в дикие места пошёл капитал. В сущности Сибирь пережила второе завоевание, куда более обширное прежнего, вызванного меховой торговлей, транзитом чая и тканей. Добыча золота, если она не сводилась к хищническому кустарному старательству, требовала индустриального развития. А оно, в свою очередь, нуждалось в надёжных путях сообщения.

Однако сопротивление закоснелого правительства не ослабевало. Оно имело в виду государственным деньгам другое применение. И тогда Великий князь Дмитрий, осознавая непосильность ноши для одной лишь казны, обратился за помощью к купечеству. Под его патронажем было создано «Общество железных и водных путей» с целью строительства и эксплуатации магистралей, мостов, станций и каналов, создания скоростного подвижного состава и пароходов. Акции были размещены среди нижегородского купечества, которое видело выгоду от ускорения оборотов, снижения накладных расходов, большой вклад внесли видные ленские золотопромшленники. И уже через пять лет, пусть и в усеченном виде, непрерывное паровое сообщение явилось свету.

...также сообщаем, что все материалы Комиссии, касающиеся участия в известных событиях подданных Великого Княжества Нижегородского были изъяты из архивов Имперской Австрийской Армии и Канцелярии Императора в 1856 году по личной просьбе правящего в то время Великого Князя Дмитрия. В протоколах допросов господина Бакунина (подданного Великого Княжества Тверского), господина Корвина-Вержбицкого (подданного Королевства Пруссия) интересующие вас лица не упомянуты.

Из ответа Министерства иностранных дел Австро-Венгерской монархии на запрос Департамента международных отношений относительно материалов расследования революционных событий в Австрийской Империи и Германских землях 1848—1849 годов.

Ранее было установлено, что компрометирующие наследника материалы Саксонской следственной комиссии были изъяты из Дрезденского государственного архива и архива Берлинского полицейского управления.

Приписка на полях (рукой М. И. Кебера, в те годы начальника Третьего отделения ДОК).

Глава четвертая. Разведение паров

Вместо того, чтобы вернуться домой и отоспаться, Светлов взялся за организацию маршрута. Ох как не любил он в этом деле импровизаций. Конечно, что-нибудь всегда шло не так, приходилось соскакивать с проторенной тропы, поспешно искать обход, менять людей, транспорт. Но никогда ситуация не подгоняла его в пункте отправления, да ещё и на этапе планирования. Тут спешка и суета вообще не уместны.

Он взял извозчика, а не паровик, чтобы в очередной раз провериться. Обычно слезка выдавала себя, будучи вынуждена брать такую же пролётку вместо локомотива, поскольку медленно идущая за лошадью машина неизбежно выдавала себя. Но и вторая пролётка едущая за первой теми же улицами вызывала подозрение, а сменить транспорт преследователи как правило не успевали. Не те у них ресурсы.

Убедившись что слезки нет, Светлов поднял верх. Дождя не предвиделось, а солнце ещё не пекло, но ему требовалось уединение. Он откинулся на спинку дивана и принялся размышлять, то и дело поглаживая пальцами виски, чтобы не уснуть от мерного покачивания пролётки под успокаивающее клацанье подков о булыжник и скрип рессор.

Достигнуть пункта назначения можно было тремя основными маршрутами, каждый из которых имел достоинства и недостатки.

Северным он пользовался редко. Новгородцы, как нация купцов и промышленников, спокойно смотрели на торговлю оружием. Фактически для них не существовало запретных товаров, их не интересовало происхождение, не волновал получатель, если ты, конечно, заплатил пошлину. Однако северный маршрут, хоть и значительно сокращал путь в теории (есть такая штука ортодромия), в силу климатических особенностей региона был очень сложен в реализации. Оленьи и собачьи упряжки – транспорт сезонный, как и плавание по непредсказуемым северным рекам и морям. Проще простого было зависнуть с грузом на бесплодном берегу Ледовитого океана, который мог не иметь истой воды даже посреди лета. Иногда приходилось подолгу ждать прохода льда или напротив ледостава в устье большой реки. Переносы с реки на реку тоже представляли проблему, их могло развести до состояния вязкого болота, по которому ни животное не пройдет, ни лодка не проплывёт.

Надёжнее всего было бы воспользоваться родным курьерским маршрутом Непрерывного парового сообщения. Это был весьма привлекательный способ передвижения, как с точки зрения скорости, комфорта, так и дешевизны. Сам билет (вернее целая билетная книжка) и провоз багажа стоили, разумеется, больших денег, зато экономия на охране, грузчиках, побочных расходах получалась значительной. И выигрыш времени, само собой.

Однако отправляться по НПС означало ехать всю дорогу фактически под надзором тайной полиции, равно как и полиции уголовной. При погрузке в почтовый вагон багаж обязательно проверяли и предложение взятки тут могло лишь усугубить дело. Никто не хотел рисковать под носом у князя. Как, впрочем, и в Чумикане, где предстояло проходить сложную таможенную процедуру. Морская таможня находилась под управлением Флота (а не Департамента доходов и сборов, как прочие), служили там ребята суровые, и взятки они не брали. Будь у него время на подготовку, Светлов смог бы найти вариант. Например, погрузить винтовки можно было в Вятке, заранее забросив их туда товарным поездом. А выгрузить можно не доезжая до Чумикана и там сговориться с удинскими тунгусами, которые перебросят его вместе с грузом к Ульбанскому заливу, где обитают контрабандисты, а то и прямо на китайскую территорию к реке Амгунь, что впадает в Амур. Но все это требовало подготовки, отправки верного человека (телеграмму тунгусам не дашь), иначе можно было разминуться с кочевьем и остаться с грузом посреди пустошей.

Существовал ещё и южный маршрут, которым пользовались главным образом рязанцы. От Самары по степям и рекам – Самаре, Яику и Тоболу можно было выйти к всё к то же Оби, но в обход Урала. Затем по нижегородской территории до Байкала, по китайской через Маньчжурию, по Амуру до самого устья и дальше до Анивы. Причем весь последний отрезок пути можно было проделать на небольшом баркасе.

Граница с Китаем – одна сплошная дыра, а таможенники и с той и с другой стороны покладисты. Проблем и на южном маршруте, однако, встречалось немало. Большие трудности с транспортом на первом этапе (медленные караваны из плоскодонных лодок, а затем из сотен выючных животных – верблюдов и лошадей), частые перевалки груза, пересечение нескольких границ, разбойники, ногайцы, киргизы, считающие эти земли своими, внутренний конфликт в Китае, который то и дело выплескивал на север банды недобитков той или другой стороны. Риск потерять груз или голову был велик.

Маршруты можно было комбинировать, переходить с одного на другой в нескольких точках. Это давало некоторый простор для маневра и возможность организовать запасные варианты. Но начинать в любом случае следовало с транспорта здесь, в Нижнем Новгороде. Поэтому-то Светлов и приказал извозчику ехать прежде всего на Новую Площадь, где располагалась Центральная станция.

Они проехали по плашкоутному мосту, пересекли Гремячью площадь и начали подъем по Похвалинскому съезду. Лошадка здесь тянула с трудом, так что извозчик время от времени спрыгивал с козел и шёл рядом с пролеткой с вожжами в руках. Затем выбрались на ровное место и уже с ветерком по улице Прядыльной доехали до Новой площади. На ней стояло пафосное здание Дворянского клуба, построенного в классическом стиле, рядом расположились мрачные казармы из красного кирпича. Современная архитектура Центральной станции (модерн или неоготика) казалась глотком свежего воздуха. Хотя, если подумать, собранная на одной площади эта архитектурная коллекция представляло собой жуткую эклектику.

Три больших стеклянных купола пропускали свет вниз на станцию, которая была полностью расположена под землей. Большие вытяжные колодцы извергали время от времени клубы дыма и пара.

Между куполами и колодцами был устроен скверик со скамейками. Рядом располагались соединенные арочными переходами павильон с кассами, залы ожидания трёх классов, ресторан и буфет. Как и купола все эти здания были построены из чугунных колонн и стекла, лишь цоколь был выполнен из белого камня. Горожане, с легкой руки журналистов «Нижегородского вестника» прозвали весь комплекс Оранжевой, но иногда на новгородский манер называли вокзалом (новгороды лет десять назад придумали давать концертные представления в залах ожидания, а название переняли от лондонских садов Воксхолл).

Из вокзала ажурные чугунные лестницы спускались к платформам и другим подземным сооружениям, а особые подъемники по застекленным шахтам доставляли груз к багажному и почтовому отделениям. Нефть для паровозов спускали по трубам или привозили в цистернах по путям, а воды под землей и так было в достатке и даже больше чем нужно.

Билетов НПС в кассе не оказалось. Ни на завтра, ни на ближайшие три недели. Курьерские поезда на эти дни тоже были выкуплены полностью. Свободные места имелись лишь на товарно-пассажирский поезд до Тобольска, что отправлялся в следующее воскресенье. Шёл он медленно, почти две недели, останавливался на каждом полустанке, пропуская скорые, прицепляя и отцепляя вагоны, принимая и выгружая багаж, грузы. На ночь он вообще вставал на крупных станциях, где пассажиры могли нормально поспать в гостинице, поесть в ресто-

ране, умыться и принять душ, потому что сделать это в вагонах третьего класса не представлялось возможным.

Кроме того, местный поезд всё равно не решал проблемы дальнейшего пути – в Тобольске пришлось бы самому пытаться удачи с попутными пароходами, а это дополнительная потеря времени.

Отложив вариант с товарно-пассажирским поездом на самый крайний случай (билеты на него продавали независимо от наличия мест), Светлов отправился на Нижневолжскую набережную, где располагалось большинство пароходных контор. Путь к Самаре лежал вниз по течению и курьерский пароход мог преодолеть его за четыре дня. Правда затем он неизбежно терял ещё две недели на переходе по рекам и степям, но зато в Кургане у него имелись свои люди, которые могли организовать хороший вариант с дальнейшей дорогой по Сибири. Это если он, конечно, до Кургана доберется.

Светлов отправился пешком по Покровке, чтобы ещё раз всё хорошенько обдумать. Но сколько не думал, лучшего варианта изобрести не смог. Разве что вспомнил вдруг об оплате работы. Обычно он заключал негласный договор с конкретным гонораром и авансом на накладные расходы. Но теперь клиент мёртв, и ему придется вкладывать собственные средства, в надежде, что на том конце маршрута с ним расплатятся по справедливости. С другой стороны, товар-то останется у него в виде залога. А загнать винтовки, случись что, он сможет без труда. Такой товар на фронтире расходуется как горячие пирожки. При отпускной цене на заводе около ста двадцати рублей, в местных магазинах один ствол идет по две сотни, а на Сахалине смело можно будет набросить ещё полста рублей. Вся партия стоила бы там не меньше семидесяти тысяч. Внакладе он не останется.

Светлов вышел к Кремлю, который оказался закрыт по случаю каких-то гулянок знати и княжеского двора, обошел вдоль стены по Бульвару и дальше по дорожке до Часовой башни, а перед посадкой в вагончик элеватора успел бросить взгляд на Ярмарку, панорама которой уже частью скрывалась в пароходных и печных дымах.

Пока работник элеватора наполнял бак вагончика балластной водой, Светлов подумал, что пройдет еще каких-то лет десять-двадцать, и питающее сейчас Ярмарку товарами паровое сообщение убьет её. Кому придет в голову свозить грузы в единое место, а потом развозить по местам, если можно будет отправлять нужно количество с фабрик прямо в лавки под заказ и в любое время года? На паровозе, пароходе, локомотиве. Пока такие перевозки медлительны и затратны, пока не везде проложены лежни, не всюду уложено гравийное покрытие, не в каждую реку добрались пароходы, но прогресс не остановить. Машины становятся более экономичны, цены на перевозки снижаются из года в год, и большие торговые съезды со временем уйдут в прошлое.

Что тогда ожидает Ярмарку? Превратится ли она в купеческий городок вроде Амстердама, сохранив большинство мелких лавок и некоторую часть покупателей? Будут ли доморощенные гондольеры катать по каналам на лодках приезжих, как в Венеции? Скорее всего территорию застроят особняками и доходными домами, оставив бандитам их притоны и малины на Самокатах. И тогда Кунавино поглотит Ярмарку, как до этого поглотило зажиточную Гривку и земли Духовского монастыря. Кунавино было сродни лондонскому Ист-Энду или району парижского Центрального Рынка. Зверь, который никогда не бывает сыт.

Хотя основная часть грузов шла на Ярмарку, где и находилось большинство товарных пристаней, главные пароходные конторы располагались на Нижнем посаде. На Нижневолжской набережной, Торговой и Рождественской улицах. С приближением открытия торгов здесь воцарилась настоящая паника. Хозяева и приказчики бегали с бумагами, требуя сведений

о застрявших грузах, мелкие конторщики прятались от них, не имея возможности ответить. Сновали курьеры к телеграфным башням, Центральной станции, на Ярмарку. Каждый прибывший пароход, шёл ли он снизу или с верховьев Волги или Оки осаждали вопросами о том или другом пароходе, барже, струге.

Реки в этом году обмелели рано, что добавляло неразберихи. Хозяева грузов, пайщики, приказчики, экспедиторы осаждали конторы, потрясая контрактами, накладными, телеграммами и требовали от клерков пароходных компаний выполнения обязательств. Клерки баррикадировались в конторах, как в осажденных крепостях. Угрожали вызвать полицию, апеллировали к параграфам контрактов, где прямо указывалось на возможность обмеления рек и в этом случае с компаний снималась ответственность за задержку.

Иногда какой-то из компанейских буксиров поднимал пары и отправлялся на помощь севшему на мель судну. Проносился слух, что где-то ниже по течению перед перекатами разгружались баржи то ли с астраханской воблой, то ли с саратовским хлебом, то ли с казанской кожей и юфтью. Те, кто ещё не потеряли надежды, бросались выяснять подробности. Никому не хотелось, чтобы именно их товар оказался лишним, потерянным, или промок на берегу в ожидании перегрузки.

Лишь наливные баржи с бакинской нефтью перегрузить не представлялось невозможным, отчего мелкие пайщики рвали на себе волосы, а крупные торговцы, потирали руки, предвкушая повышение цен на керосин. Они предусмотрительно создали запасы и хранили нефть в огромных резервуарах конструкции Шухова в Кстово.

Трёхэтажное здание главной конторы пароходного товарищества «Самолёт» раньше принадлежало самим Строгановым и использовалось под соляные склады, но с развитием парового движения, было выкуплено и перестроено новыми хозяевами жизни. Красный по происхождению кирпич выглядел почти чёрным, словно старую печь для обжига фарфора разобрали и сложили из её останков амбары. Возможно, так оно и было. Сырость на Нижнем посаде была бичом всех хранилищ.

Светлов раскурил сигару и подождал, пока очередная волна безумства схлынет, а приказчики, услышав буксирный гудок, ринутся к пристаням. Цап! И он выловил клерка, который неосторожно высунулся из-за конторки, приняв наступившую тишину за гарантию безопасности.

– Новых сведений о грузах не поступало, – сообщил клерк, выпучив глаза.

– Любезный, мне не нужны сведения о грузах, – успокоил жертву Светлов. – Мне нужно знать, какие курьерские пароходы отправляются вниз в ближайшие дни. Ваше расписание, что висит перед входом, соотносится с реальностью, как романы Жуля Верна.

Клерк запинаясь и порываясь удрать, всё же объяснил, что ближайший курьерский пароход до Самары отправится лишь через две недели и билетов на него нет. Хотя, конечно, палубным пассажиром всегда можно пристроиться.

Не лучше оказалась ситуация и в других конторах. Ярмарка изрядно спутала планы Светлова. Компании хотели получить обеспеченных клиентов и достаточную загрузку трюмов, а это было возможно только после завершения первых крупных сделок. Начало обратных рейсов пароходчики обещали не раньше третьего или четвёртого дня торгов, когда первые покупатели начнут увозить товар. Да и то будут тихоходные баржи. А скоростные побегут позже. Пока же лучшие пароходы или ещё не прибыли, или замерли у пристаней в ожидании, а на линии готовилось выйти старьё, которое грозило развалиться или взорваться.

Светлов ещё некоторое время бродил по конторам, но везде получал один и тот же ответ. Поняв бесперспективность водного пути, прежде чем принять окончательное решение, он решил заскочить на обжорный ряд Ветошного рынка (он же Балчуг), что располагался возле старого Гостиного двора, и там перекусить по-простому кулебякой, эчпочмаками или пирож-

ками. Думать на голодный желудок ему не хотелось. Голод – причина поспешных решений, в этом он не раз убеждался.

До Балчуга, однако, он не дошёл. Тайная полиция взяла его на Рождественской.

Парни Вяземского сработал классно. Он ведь всё время ожидал неприятностей. Тот, кто завалил клиента, мог объявиться в любой момент. И салфетка, припрятанная Светловым, должна была заставить противника действовать быстро. Но вот секретных агентов Третьего отделения ему вычислить не удалось.

Он проходил мимо арки, ведущей в один из дворов, чуть повернул, огибая задумавшегося дворника, что опирался на метлу, точно ижорский воин Пельгусий на копье. Неожиданно дворник качнулся, заставив Светлова сделать ещё один шаг в сторону арки, где он тотчас был втянут внутрь мощными руками, словно каким-нибудь вакуумным насосом. Чужие цепкие пальцы перехватили его руку, уже нырнувшую в карман с револьвером, чужой локоть надавил под ребра, сбивая дыхание.

Его не прирезали сразу в подворотне (тогда-то он и понял, что это охранка, а не уголовники), а протащили под руки во двор. Там стояла чёрная паролётка, переоборудованная под фургон. Задняя дверца распахнулась, Светлова проворно втолкнули внутрь и усадили на продольную лавку.

Его не связали, не завязали глаза, но двое рослых парней сидели по бокам очень плотно, так что и шевельнуться было затруднительно. Зато перегородка между салоном и водительским местом имела окошко, что позволило ему разглядеть часть приборной панели.

Машина оказалась не простой. Уж в этом-то он понимал. Локомотив новейшей конструкции. Без топки, с впрыском в котёл едкой щелочи. Светлов занимался такими, когда учился в Кулибинском. И дипломный проект у него был по схожей тематике. Но этот локомотив имел много нового. Два манометра сразу бросились в глаза. Стрелка первого дрожала на отметке десяти атмосфер, а стрелка второго перевалила за тридцать. Двухконтурный двигатель. Второй котёл с перегретым паром помещался вместе с двигателем внутри первого котла. Огромное давление повышало эффективность, а выброс пара проводился не в атмосферу а в первый котёл. Во время его учебы такие машины признали бесперспективными, но вот же кто-то довел до ума.

Пар быстро поднялся, и машина рванула сперва по Рождественской, а потом, очевидно, вверх по Зеленскому съезду. Такой движок нельзя было использовать в полевых условиях – он нуждался в длительной перезарядке и сложном обслуживании, а пробег давал небольшой. Видимо поэтому новинка поступила не в армию (о чём Светлов сразу узнал бы), а в тайную полицию. Приехать, постоять в засаде неопределенное время, а потом быстро вернуться. Вот основная работа для таких машин.

За узким окошком мелькнула кремлевская башня и часть стены. Через какие именно ворота они въехали внутрь он не разобрал, но типичную кладку из красного кирпича узнал сразу.

– Могли бы просто подняться на элеваторе, – сказал Светлов.

Его спутники промолчали.

Паровик остановился в колодце двора многоэтажного здания. Таких на территории Кремля было несколько. У каждого крупного департамента по своему. Но бежевым красили только великокняжеский дворец. Светлов никогда не видел его с изнанки, откуда видят истопники, мелкая прислуга и заплочных дел мастера. Словно под юбку барышне заглянуть. Интригующе, но не прилично.

У дверей его приняли с рук на руки два офицера. На этих уже были мундиры с короной, мечом и пикирующим соколом в петлицах. Департамент охраны короны. Светлов ожидал тюрьмы. Сырых каменных подвалов, коих во множестве имелось почти под каждой кремлёвской башней и уж наверняка под каждым дворцом. Здесь держали только государственных преступников, шпионов и лиц княжеской фамилии. Для обычных уголовников в городе имелась специально построенная тюрьма на Острожной площади.

Однако повели его не вниз, в подвалы, а вверх. Поднялись по узкой черной лестнице и оказались в небольшом кабинете. Сопровождающие его офицеры щёлкнули каблуками и удалились, а Светлов остался один на один (если не считать рослого слуги в ливрее) с обитателем помещения.

За стеной слышно было веселье, смех, топот сапог и стук каблучков. Празднества нижегородской знати были в самом разгаре. Здесь же за массивным обеденным столом сидел Константин Великий Князь Суздальский и правящий монарх Нижегородский.

Глава пятая. Закулисье

Круглый стол имел вращающуюся середину, которая была заставлена всевозможной снедью. При виде дворцового изобилия у Светлова заурчало в животе, и это была та физиологическая реакция, которую он не умел контролировать. От чиханья или кашля он мог легко удержаться, умел не пустить ветры в приличном обществе. Но вот брюхо по какой-то причине обладало собственной волей. Чтобы отвлечься он стал описывать блюда, как энциклопедист, ориентируясь не на запах или недостижимый вкус, а на рассказы князя и журнальные статьи о традиционной кремлевской кулинарии и сервировке, которые не менялись веками.

Оленина (из того оленя, что в русских княжествах называют северным, а в Америке карибу) тушенная с кореньями и черемшой была выложена горкой и парила на круглом блюде среднего размера; на блюде побольше лежал поросенок с хрустящей корочкой, а к нему под бочок навалена рассыпчатая гречневая каша с жареными белыми грибами и сладким луком (белые ещё не пошли, но княжеские повара использовали запасы сушеных, долго вымачивая их в молоке); на широких досках частично прикрытые рушниками лежали горки сочных эпочмаков, кулебяк и пирогов; крупно нарубленная зелень занимала салатник, рядом выстроились пять соусниц одна другой меньше с разнообразным дрессингом. Четыре вазы с фруктами и виноградом стояли ближе к краям, а посреди стола на длинном блюде лежал отварной осётр, который точно кулинарный флагман плыл среди лимонных кружков и россыпи зелени.

Сам князь, игнорируя великолепии, обходился малым. Перед ним стояла глубокая чашка с луковым супом, в котором плавали поджаренные сухарики. Впрочем, едва Светлов вошел, Константин есть перестал. Отложил золочёную ложечку, вытер салфеткой рот и густую растительность вокруг него. Светлов отметил, что оброс тот за последние годы изрядно, что было не удивительно – правящие князя всегда отращивали усы и бороду, даже если не носили их будучи просто членами фамилии. Традиция!

– Ну, здравствуй, Полковник, – сказал Константин. – Присаживайся, покушай со мной. Если голоден.

– Я как раз собирался перекусить в Обжорном ряду, но твои нукеры не допустили.

Светлов не долго размышлял, проявить ли ему твердость духа, смущая князя и впредь утробным урчанием, или сдаться на милость государя. В конце концов, он решил, что сейчас не время для фронды, да и не место.

Он уселся на единственное наличное кресло помимо того, что было под задом князя, но игнорируя роскошь, ограничился кулебякой, ибо таков был его первоначальный план, когда он направлялся на Ветошный рынок. Кроме того, кулебяка не требовала манипуляций с посудой, а единственный слуга не спешил ему услужить.

– Мы не виделись... сколько? – произнёс Константин. – Пятнадцать лет?

– И ты вдруг решил перекинуться парой словечек. Как мило.

Подумав, он отщипнул от грозди виноградину и бросил её в рот.

– А ты предпочитаешь ещё пятнадцать лет не разговаривать?

– Мы расстались не по моей вине. Ты уселся на трон, а я остался там, где мы находились раньше.

– Трон всегда маячил на моем горизонте, – пожал Константин плечами. – Даже если я предпочитал игнорировать этот факт по молодости.

На самом деле великокняжеский трон на его горизонте маячил только гипотетически. Старый товарищ вовсе не планировал усаживаться на него и становиться Константином Девятым. В противном случае он поступил бы в военное училище, как все прямые наследники, а не в технический институт. Жуткая катастрофа с пожаром в старом летнем дворце на Суре

продвинула его с пятого места в династической очереди на первое, сделав князем Городецким. Ну а там оставалось совсем недолго до смерти старого и больного дядюшки Дмитрия.

Наверное ему пришлось нелегко, вникать в государственные дела в пожарном порядке, но, с другой стороны, он вполне мог отказаться в пользу кузена Бориса.

Не отказался. Принял вызов, но потерял старых друзей.

– Дело не в том, что ты занял трон, – сказал Светлов. – Ты мог бы реализовать хотя бы часть из того, чем увлекался в юности, раз уж тебе выдалась возможность оказаться у руля государства. Но ты предпочёл следовать традиции и укрыться в этом затхлом фамильном склепе.

– Так себе метафора, – усмехнулся князь. – Но ты ведь тоже отказался от политики. Увлёкся контрабандой, торговле оружием. А мог бы принести пользу обществу. Нашим социал-демократам не помешал бы хороший лидер. Они скучны, как книги, что пишут их немецкие идеологи.

– Наши партии могут выдвигать кандидатов только в городские советы. Невелика политика обсуждать по полгода строительство фонтана. Тебе давно стоило бы учредить палату общин.

– Я не доверяю бюргерам, – бросил князь.

Он замолчал, задумался, и Светлов использовал паузу, чтобы немного подкрепиться, потому что кулебяка, похоже, уже переварилась в желудке. Он нажал на рычажок возле ножки, центральная часть стола повернулась и тушенная оленина с кореньями оказалась как раз напротив него.

К ней Светлов добавил немного зелени, полив её татарским соусом. Подумав, налил себе бокал красного вина.

– Я слышал, ты был на похоронах Бакунина? – спросил Константин, очнувшись от раздумий.

– Был, но с живым попрощаться не успел. Хотя в Европе всё рядом, но до Берна не так-то просто добраться. Мне сообщили о том, что старик слёг, когда я... – он вспомнил с кем говорит и осекся. – Неважно.

– Майское восстание, – вспомнил князь. – Дрезден.

– Да.

Они вместе учились в Кулибинском институте и вместе отправились по студенческому обмену в Дрезденский технический университет. Там и встретили Бакунина, который навещал философский кружок. Тверянин Светлова увлёк. Он даже стал курить сигары, потому что сигары курил Бакунин. Он видел его на баррикадах, был впечатлён его неиссякаемой энергией, мощью, способностью найти ответ на любой вопрос. Он, слушатель факультета теплотехники невольно сравнивал Бакунина с паровым котлом, питающим энергией массы, приводящим в движение механизмы революции.

– Вовсе не моё нынешнее положение и не поражение восстания отвратило меня от революции, – после ещё одной паузы сказал Константин. – Бюргеры! Ты помнишь, как бюргерство размазывало Бакунина после провала? Те, которые вчера кричали «ура» на следующий день после наступления реакции смешивали его с грязью. Ползали в грязи точно черви, вымаливая прощение у победителей. Они писали доносы, плевались вслед бывшим вождям, всячески угождали властям и пришедшей австрийской армии. Уже тогда я понял, что делать для них революцию было ошибкой.

– Христа тоже распяли, но это послужило только на пользу церкви.

– Возможно, – согласился князь. – Мне это тоже послужило на пользу. Стало добрым уроком. Прививкой от республиканских убеждений. Неизвестно каких глупостей я наделал бы, если бы унаследовал трон с прежними убеждениями. Отдал бы власть торговцам, лавочникам? Но нет. Более мещане не вызывают моего доверия. Они переменчивы и легко жертвуют честью, когда приходится выбирать между ней и собственностью. Они говорят о республике и вонзают

нож в спину тем, кто пытается её учредить. Я не хотел бы вручать судьбы страны в столь ненадёжные руки.

– Не нравится буржуазия, сделай ставку на пролетариев, – посоветовал Светлов.

– Шутишь?

– Отнюдь. Ты видел, как живут рабочие в Сормово? Нищета, грязь, преступность. А ведь на них зиждется богатство страны. Дай им больше свободы, достойный уровень жизни и ты получишь отменный народ.

– Я получу революцию. Ещё более непредсказуемую, чем буржуазная. Мысль о бунте не закрадывается в голову, когда там всё занято одной лишь думой о хлебе насущном. Но стоит наполнить брюхо, получить пару свободных часов и мысль пробуждается. И что там возникнет, я предсказать не берусь. Ни Робеспьер, ни Бакунин, ни мы с тобой за паровым молотом не стояли.

– Ты изменился больше, чем я предполагал.

Светлов и правда расстроился. Он конечно не ожидал, что Константин устроит из княжества коммуны или что-то подобное. Но тот не сделал вообще ничего.

– Тем не менее, мне дорога наша дружба, – сказал князь. – Знаешь, Вяземский давно пытался получить санкцию на твой арест.

– Не удивлен.

– Я запретил ему заниматься фальсификациями и устраивать провокации. Правда обещал, что если он докопается до подлинных преступлений, то сможет посадить тебя и не услышит от меня возражений.

– Мне следовало поступить точно так же?

– В смысле?

– Собрать всех местных революционеров и объявить: ничего, мол, личного. Пусть князь и стоял с Бакуниным на баррикадах, но если будет покрывать кровопийц, то достоин покушения – идите и взрывайте...

Князь рассмеялся.

– Ты же бросил революцию. Мне докладывали.

– Я бы мог сделать исключение.

Константин поднял руку, подозвал жестом слугу и шепнул ему что-то на ухо. Тот поклонился и вышел за дверь. Князь налил себе вина из графина, пригубил, кивнул с одобрением.

– Вяземский доложил, что ты пытался купить билет в Чумикан, – сменил он тему.

– Лихо работает.

– Не жалуясь. Так вот, все билеты на месяц вперёд выкуплены канцелярией и департаментами.

– Ты так не хочешь, чтобы я уезжал на Дальний Восток что будешь пускать пустыми курьерские поезда?

– Пф. Не думай о себе слишком много. Мы проводим конференцию, ты разве не слышал?

– С весны только об этом и слышу.

– Она будет у чёрта на куличиках. И добираться туда большинству делегаций предстоит курьерским маршрутом. Нашим или новгородским. Ну, может кто-то через Китай поедет или через Панаму, не знаю.

Он сделал ещё несколько глотков вина и продолжил:

– Дело важное, международного уровня. И в связи с этим мне нужна твоя помощь.

Светлов чуть эпочмаком не подавился.

– Моя помощь? – он запил застрявший кусок. – Не говоря уж о том, что мне претит сотрудничество с властью, ума не приложу, какая от меня может быть польза?

– Я бы не стал тебе предлагать ничего такого, что может задеть честь.

– Сам факт сотрудничества с властью...

Князь остановил его жестом.

– У тебя острый ум, – сказал он. – Не спорь, я знаю о чем говорю. А мне требуется независимый взгляд. Непредвзятый. Взгляд человека, который не связан с интригами департаментов, канцелярии, двора, но вместе с тем человека, которому я доверяю. Тем более, что ты разбираешься в технике.

– А техника тут причем?

– Сибирский транзит, который будет главной темой конференции вопрос не только юридический и коммерческий, но прежде всего технический. От его аспектов зависит, какой именно маршрут брать за основу. Новгородцы предлагают свои варианты, мы свои, у рязанцев тоже имеются соображения. А вложить средства лучше в какой-то один. Тут как с Суэцким каналом или с Панамским. Нельзя наделать несколько штук.

– Поэтому ни Панамский, ни Никаруганский каналы так и не построили.

– Тем больше причин договориться. Но вокруг выбора маршрута завязалось множество интриг. Финансы. Промышленность. Подряды. Налоги и сборы. Сам должен понимать. Поэтому-то мне и нужно непредвзятое мнение.

Князь отодвинул вазу с фруктами и, положив на её место стопку бумаг, нажал рычажок. Стопка появилась перед Светловым. Поверх прочих бумаг лежала книжка НПС с бронью места на завтрашний курьерский поезд.

– Мелкие клерки уже на месте, готовят техническую часть, те что поважнее будут заняты договором, они выдвигаются сейчас. Затем поедут главы департаментов, журналисты. Сам я, как и другие первые лица, подъеду уже к самому подписанию. Успеем с тобой переговорить, если согласишься. А вдруг что-то срочное всплывет, сообщишь по телеграфу.

– Хорошо.

– Так ты согласен? – удивился князь. – Честно говоря думал, придется долго тебя уговаривать. Прикидывал, чем подкупить можно...

– Или пригрозить.

– Или так.

– Я поеду. Но ты выдашь мне грамоту о содействии. Для департамента путей сообщения, почты, связи, таможни. В том числе разрешение на передачу шифрованных сообщений. И чтобы ни Вяземский ни Алтуфьев не совали нос в мои дела.

– Грамота лежит сразу под материалами дела, – князь усмехнулся. – И не опасайся Вяземского. Он сам тебя предложил, как независимого эксперта, так что с его парнями проблем не возникнет. Но с Алтуфьевым будет сложнее. Прикрыть тебя от него, означает растрезвонить на весь свет, что ты отправляешься не сам по себе.

– А я отправляюсь как кто?

– Там среди бумаг аккредитация на конференцию от журнала «Стандарт». Поедешь как очеркист.

– «Стандарт»? – Светлов не столько удивился сколько смутился.

– А ты от «Вестника» хотел бы поехать? Брось, так у тебя будет больше времени. Охранную грамоту можешь использовать свободно. Мы иногда даём такие и другим журналистам. С прессой нужно дружить.

– Но Алтуфьев подозревает меня в причастности к убийству.

– Он предъявил обвинение?

– Нет. Но подозревает.

– Выкрутишься.

Ему следовало бы отоспаться, чтобы обдумать события последних суток на свежую голову, но неожиданное предложение князя потребовало срочных действий и прежде всего предупреждения своих людей на местах.

Восточная телеграфная башня стояла на Панских Буграх, рядом с Сенной площадью. Светлов добрался до неё на паровике, что ходил по Жуковской улице от Кремля до Казанской заставы.

Из-за грядущей ярмарки всё и здесь стояло вверх дном. Приказчики запрашивали сведения о движении грузов, выясняли где и что потерялось, отчитывались о прибытии; другие утрясали финансовые вопросы, интересовались котировками, ценами. В главном зале, что занимал половину цокольного этажа башни яблоку негде было упасть. Народ толпился перед столами с бланками отправлений, выстаивал в двух очередях – к окошкам обычных и срочных отправлений, а приезжие ожидали сообщений у окна «до востребования». Очереди были общими для всех сословий, лишь для княжеских фельдъегерей имелась особая дверца.

Толкотни добавляли курьеры, которые пользовались ещё одной служебной дверью. С восточной башни начиналась Сибирская линия телеграфа, но от Нижнего выходили ещё две – Суздальская (с Башней на Гребешке) и Казанская (с башней на Тёплой горе). Между собой с помощью света башни не сообщались, а для транзитных телеграмм по городу бегали курьерские паровики, перевозящие карточки отправлений.

Светлов заполнил бланк, используя шифр и смог уложиться в тридцать пять знаков с пробелами. Вообще-то опрavelять шифровки частным лицам запрещалось и обычно он использовал кодовые сообщения, вроде «Тётушка тяжело больна». Но на это раз у него был карт-бланш от Великого князя, а шифр позволил сократить сообщение до минимума.

Стоя в очереди, Светлов подумал, что многолетняя битва за пропускную способность телеграфных линий достойна отдельного очерка в каком-нибудь популярном издании, вроде «Науки и техники».

Дальнеизвещающая машина (известная больше, как семафор или оптический телеграф) перестраивалась несколько раз. Поначалу в качестве источника использовали собранный линзами и зеркалами свет солнца, но позже башни оснастили фонарями Кулибина с быстрыми шторками. Сообщения стали передавать международным кодом Альфреда Вейла: короткими, длинными и очень длинными вспышками света.

Чтобы увеличить пропускную способность код радикально переработали. Длину поставили в зависимость от частоты употребления букв. По этому пути, впрочем, пошли многие страны, что вызвало необходимость перекодировки сообщений на границах, так как частотность букв в разных языках была разная, да и сами алфавиты различались. Кстати, в плане алфавита нижегородская реформа орфографии (когда из употребления выбросили добрую дюжину букв, а «Ерь» перестали ставить в конце слов) сыграла местным телеграфистам на руку. На знаках сэкономили, где только могли.

Предложения быстро стали лаконичными и даже лапидарными. Затем взялись за слова. Их сокращали уверенной рукой мясника, разделяющего тушу. Выбрасывались гласные буквы, окончания, суффиксы, отчего записи стали напоминать старинные рукописные тексты или даже древние надписи на монетах с несовершенной чеканкой.

Была составлена и выпущена книга общедоступных кодов, где «СП4» означало «срочно приезжай», а «СП9» всего лишь «сортовой пиломатериал». Адреса сокращали тоже. Появились трёхбуквенные коды городов и пятизначные коды адресов в каждом городе. Имя адресата часто заменяли инициалами.

Чем короче становились коды, тем большее значение имела случайная ошибка, нередко возникала путаница. Но скорость передачи была важнее.

Однако количество посланий росло с каждым годом и в конце концов кто-то предложил ставить на фонари цветные фильтры. Так что теперь каждая дальнеизвещающая линия имела

по два цветовых канала – зеленый и оранжевый. Это не только увеличивало пропускную способность, но и позволяло разделять при необходимости линии без сортировочного узла.

Перед тем как покинуть башню, Светлов набросал на стандартном бланке записку и подо- звал одного из мальчишек, что подрабатывали доставкой телеграмм.

– Найдёшь на ярмарке купца Гладышева на складе за пестрядильными рядами. Вручишь записку ему лично. Вот тебе два пятака на паровики и пятиалтынный за работу. Столько же получишь от купца. Ответа не нужно.

Мальчишка умчался. Большого, чем он сделал, Светлов сделать сегодня уже не мог. Теперь спать! Он взял извозчика и добрался до своей квартиры на Варварке.

Его семье принадлежала половина двухэтажного дома недалеко от Острожной площади. Но из его родственников в Нижнем никто не жил, предпочитая фамильные особняки в Городце и имение на Суре. Так что полдома ему с радостью уступили, еще когда он поступал студен- том на первый курс. Уступили с тем, однако, условием, что содержать недвижимость он будет на свой счёт. А он, сдав две квартиры внаём, заселился в третьей, небольшой, но имеющей гостиную с прихожей и кухонкой на первом этаже и спальню с ванной комнатой на втором. Поскольку жил он преимущественно один, а прислугу не держал из принципа, то за квартирой ухаживал сам, а когда уезжал надолго, отдавал ключи дворнику, с тем чтобы его сестра при- сматривала за хозяйством.

Он хотел завалиться, как есть, в одежде. Но всё же пересилил себя и принял ванну. Неиз- вестно, когда ещё представится случай.

Четырех часов вполне хватило, чтобы восстановить силы. До захода солнца оставалась уйма времени. Впереди был целый вечер и вся ночь, за которую ему предстояло без шума переправить винтовки на станцию, сдать в камеру хранения, чтобы утром спокойно оформить багаж.

Светлов поджарил кофейные зерна до цвета молодой сосновой коры, смолот их в меленке, засыпал в джезву, залил водой и поставил на спиртовку.

Пока кофе готовился, он всё время поглядывал то на часы, то на улицу. Увидев в разнос- чика газет, окликнул мальчишку и прямо через окно купил вечерний выпуск «Нижегородского вестника» и последний номер «Стандарта». Оба издания Светлов пролистал за кофе и сигарой.

Журнал понадобился ему чтобы сориентироваться, кого он якобы представляет. До сих пор Светлов не брал «Стандарт» в руки, ограничивая знакомство лицезрением яркой обложки с рисунками женских силуэтов, домашней утвари и неизменным «полезным советом недели» в красивой рамочке. В целом его ожидания подтвердились. Страницы были заполнены все- возможными житейскими премудростями, рецептами заготовок на зиму, обзорами мешан- ских новинок, новостями моды из Парижа, Каунаса и Новгорода. Часть занимали объявления и advertenties.

Одна из статей была посвящена женским шляпкам, другая давала обзор магазинов колониальных товаров на Покровке, Ильинке и Рождественской улице, третья рассказывала о крупном, но срочном заказе, который выполняла мастерская по пошиву одежды госпо- дина Дидриха. Заказ выполнялся к традиционному маскараду в главном ярмарочном здании и заключался в изготовлении сорока коротких плащей в стиле гвардейцев Ришелье («Ярко- красное сукно, окрашенное лучшей дербентской мареной, окантовка из жёлтой замши, выши-

тые на спине золотой нитью кресты с тремя зубцами на каждом конце» – описывал корреспондент увиденный образец).

Светлов фыркнул. Как и всякий дворянин, он в юности изучал историю униформы. На плащах гвардейцев следовало изображать обычные кресты безо всяких там зубцов. Но художники, оформляющие романы Александра Дюма, костюмеры в театрах всякий раз добавляли вычурные детали. В результате военная форма превратилась в какой-то придворный наряд. С другой стороны, маскарад есть маскарад, и удивляться стоило лишь количеству заказанных плащей. Наверняка, какие-нибудь господа гвардейцы или егеря решили завалиться на мероприятие всей ротой.

Последняя четверть журнала посвящалась домашнему чтению, в том числе включающему описания путешествий, что примирило Светлова со статусом корреспондента.

«Нижегородский вестник» он купил с другой целью. Заметку о происшествии в театральном буфете газета поместила на третьей полосе. К сожалению, помимо капитана Алтуфьева, там фигурировало и его имя, как главного свидетеля и более других потерпевшего (не считая самого покойника). Кстати, с покойником, как Светлов и предполагал, журналисты разобрались гораздо быстрее полиции.

Звали его клиента Мохнашка (а не Мохнатый, как утверждал перепуганный Гладышев), это была хоть и редкая, но фамилия, а не прозвище. Прибыл бедолага в Нижний Новгород из небольшой колонии Святителя Дионисия в устье реки Стикин, где проживал последние десять-пятнадцать лет. Колонию, а вернее факторию, основали выходцы из нескольких сибирских поселений, как нижегородских, так и новгородских, главным образом охотники за пушной. Но после того, как на реке несколько лет назад обнаружили золотые россыпи, население Дионисия значительно выросло за счет орегонцев, калифорнийцев и жителей других соседних колоний. Рост населения вызвал необходимость создания органов самоуправления. До поры оставался открытым лишь вопрос, под чью юрисдикцию отойдет Дионисий. Северо-западное побережье в политическом смысле выглядело как лоскутное одеяло. Испанцы, англичане, североамериканцы, новгородцы, нижегородцы и даже немцы перемешались на узкой полоске земли так, что ни флоты, ни экспедиционные силы не смогли бы их безболезненно разделить. Как только одна из стран начинала зарываться, остальные создавали ситуативный союз и умник отступал. Поэтому колонии существовали фактически как независимые территории, но при обустройстве и росте населения всегда уходили под юрисдикцию той или иной страны, решая этот вопрос вечевым способом или силовой стычкой различных партий.

С найденным на Стикине золотом журналисты и связывали убийство. Дескать покойник мог привезти на ярмарку крупную сумму и выдать себя преступникам тем, что интересовался золотодобывающим оборудованием, как то бутары, кулибинки, грохоты, промывочные машины и современные паровые драги.

Версия эта никуда не годилась, хотя бы потому, что ничего из перечисленного в Нижнем не производили. Отсюда везли только машины и точные инструменты, а котлы и прочее железо делали на Урале или на Алтае. Кое-что для Витимских и Олёкминских приисков можно было найти в Иркутске. Откуда, кстати, и переть такую тяжесть оказалось бы сподручнее. А Кулибинки так и вовсе проще было изготовить на месте.

Тем не менее газетная заметка оказалась весьма полезной, потому что подтвердила импровизированную версию Светлова. Журналист раскопал, что убитый принадлежал к довольно широкому движению «Граница по Большому Водоразделу», которое призывало ограничить экспансию США и Канады на тихоокеанское побережье. В эту схему вполне укладывалась идея снабдить индейцев Равнин и Большого Бассейна винтовками, тем самым усилив буферную зону между относительно слабыми северо-западными колониями и продвижением развитых стран с востока.

Светлов допил кофе и вытащил из кладовки свой любимый и потому изрядно потертый дорожный кофр от Луи Виттона. Он был достаточно компактен, чтобы можно было нести одному, и в то же время вместителен. В кофре имелось множество отсеков и полезных приспособлений, а главное – потайные отделения для ценных бумаг и оружия. Причем оружие можно было достать не раскрывая кофра – через особое окошко, что открывалось, если сдвинуть два потайных рычажка.

Он выложил на кровать стопкой носовые платки, кальсоны, пару простых рубаш, носки как вязанные, так и простые, и портянки (два куска фланели) на всякий непредвиденный случай. Рядом аккуратно разложил сорочки, брюки, визитку, два сюртука и фрак (он мог пригодиться на конференции, если там будут проводить какие-нибудь торжества). В кофре уже лежали его всегдашние спутники – макинтош, голландский баньян, норвежский свитер.

Доставая вещь за вещью, Светлов прикидывал, что может понадобиться в конкретных широтах и местах в данное время года? Выходило, что за исключением меховой шапки, парки и унт, ему может пригодиться всё. Гора одежды постепенно росла. сапоги, горные ботинки, шляпа с широкими полями, кепи. Он вдруг подумал, что так и не прикупил цилиндр, а поэтому с легким сердцем отложил в сторону и фрак.

– Берите с собой в два раза меньше вещей и в два раза больше денег, – припомнил Светлов американскую поговорку и решил, что частью вещей придется пожертвовать, а при необходимости разжиться ими в пути.

Сняв с пояса ключ, он открыл оружейный шкаф. Здесь разместились четыре ружья, штуцер, и револьвер, несколько ножей, а также всевозможные ремни, бандольеры, патронташи и кобуры. На верхней полке стояли жестянки с черным и бездымным порохом, коробки с гильзами, капсюлями, унитарными патронами, набор для чистки и мелкого ремонта оружия.

Тяжелый «Заэр» он сразу решил оставить дома. Как и павловские гладкоствольные ружья. Не на охоту собрался, не на светскую прогулку на заволжские заливные луга. А вот шестизарядный револьвер Модель 3 от Смита и Вессона – то, что надо. Тяжеловат, чтобы таскать его повседневно, но в дорогу лучшего спутника не найти. Впрочем и бельгийский «Галан-Беби», что всё ещё лежал в кармане сюртука, стоит прихватить тоже.

Светлов выгреб с верхней полки коробки с боеприпасами, часть патронов сорок четвертого калибра сразу же рассовал по кармашкам револьверного пояса, остальные, равно как и семимиллиметровые для «Галана», уложил в кофр. Из ножей выбрал павловскую версию Боуи, которая имела семидюймовый клинок и отличалась от оригинала уменьшенной гардой и резными накладками рукояти из моржового зуба. Красивый нож. Красивый и функциональный. Но к нему в пару следовало прихватить и перочинный для мелких нужд.

Затем он переломил Модель 3, заглянул в барабан, в ствол на просвет. Состояние было неплохим, но и не идеальным. Отложив все прочие дела, Светлов занялся чисткой и смазкой оружия.

Глава шестая. Уральский Экспресс

Центральная станция была устроена на месте одного из отрогов Ковалихинского оврага. Для этого инженерам пришлось осушить Покровские пруды, углубить выемку и отвести подземные воды. Котлован укрепили кирпичной кладкой, частично перекрыли крышей с тремя стеклянными куполами, а частично массивными сводами, которые засыпали землёй, устроив сверху Новую Площадь.

Овраги вообще здорово упростили строителям дело. Нижний стоял на холмах и некоторым образом копировал древний Киев (такова была задумка архиепископа Дионисия, тогда ещё простого монаха, что пришёл сюда устраивать Печорский монастырь). Холмы же, или горы, как их здесь называли, предполагали наличие оврагов и распадков между ними. Эти глубокие шрамы ландшафта некогда придавали крепостям естественные рубежи обороны, но со временем утратили значение, их всё равно пришлось бы засыпать в угоду растущему городу. Вышло, однако, ещё лучше – их приспособили к вящей пользе, под пути железной дороги. Местами углубили, укрепили склоны, местами перекрыли и засыпали сверху землей. Речушки и родники отвели или канализировали (в одном месте поезда шли прямо над потоком), а часть воды пустили для питания паровозов и станционных паровых машин.

Соединив несколько оврагов в один, инженеры получили сквозной проход через весь город, по которому поезда следовали не мешая уличному движению, разве обладая паром и дымом на мостах и через вытяжные колодцы. Линия шла от станции Канавино (здесь выходили все, кому нужно было на Ярмарку), пересекала Оку по мосту, собранному из литых чугунных элементов, затем углублялась в пространство между холмов, шла по бывшему Монастырскому оврагу и вскоре ныряла в первый из тоннелей, который заканчивался уже на Центральной станции. От Центральной станции оврагами и тоннелями железные пути выходили к Сенной площади, где был устроен полустанок для местного сообщения. Здесь пути разветвлялись. Маленькая линия уходила на Юго Восток, в главное паровозное депо, к пригородам и дальше в Княгинин и Сергач, наконец, в Казань, а главная магистраль вела прямоком на стальной мост через Волгу и затем пробивалась сквозь леса и болота почти по прямой к Уралу.

В Совете Нижнего Новгорода почти каждый год дебатировали на счет постройки ещё одного полустанка в районе Варварской церкви, чтобы сделать внутригородское и пригородное сообщение более развитым. И Великий Князь идею одобрил, и разрешение от департамента путей сообщения было получено, но дело наткнулось то на нехватку средств, то на проблему с выкупом участка купца Дмитриева, где следовало поставить наземный павильон, то с трудностями организации наземного движения, которое потребовалось бы перекрыть ради строительства оживленную улицу на долгих полтора года.

В несколько приёмов ящики с винтовками были переправлены на перрон с помощью гидравлического подъёмника. Они сразу же заполнили большую часть багажного отделения – огороженную невысоким заборчиком площадку на платформе ровно в том месте, где обычно останавливался багажный вагон.

Присматривая за грузом, Светлов тоже спустился вниз. Ему пришлось выслушать немало слов удивления и даже попытки возражения, прежде чем княжеская бумага заставила служителей оформить багаж весом в полторы тонны. По курьерскому маршруту НПС редуторы не возили. Никакая прибыль не могла бы покрыть расходов. А Светлов заплатил за провоз хрустящими банкнотами, как ни в чём не бывало. Точно фарфор вёз, а не машины.

Скорый поезд до Тобольска отправлялся трижды в неделю, но по курьерскому транссибирскому маршруту он уходил только по четвергам. Билеты на четверговый рейс продавались вместе с маршрутной книжкой НПС (Непрерывное паровое сообщение) и потому почти все, кто собрался сейчас на перроне, следовали через Тобольск транзитом. Некоторые всего лишь до Сургута, другие до Омска или Иркутска, но большинство отправлялось на Дальний Восток.

Раздался свист. Голуби что облюбовали несущие конструкции перекрытий и дебаркадера сорвались с мест и принялись кружить под сводами. Глупые птицы так и не научились отличать реальную опасность от мнимой и реагировали на всякий шум, но гибли почти исключительно от искр и внезапного выпуска пара.

Зелёный тендерный паровозик выбрался из тоннеля, точно лемминг из норки. Время от времени тонко посвистывая он медленно подал состав к первой платформе. Мимо Светлова проползли два спальных вагона, вагон ресторан, ещё два спальных, затем багажный вагон и, наконец, почти вровень со Светловым остановился курьерский паровоз с тендером и небольшой казёнкой для сменной бригады. Конёк-Горбунок, как прозвали эту модель Нижегородской машинной фабрики Бенардаки. за единственное, но огромное ведущее колесо.

Светлов окинул опытным взглядом огромный керосиновый фонарь на лбу Горбунка, песочницу, тяги, предохранительные клапаны, тормозные колодки и нашёл всё в удовлетворительном состоянии. Иного и быть не могло. Уральский экспресс по скорости считался вторым поездом княжества, уступая первенство только Столичному экспресу, соединяющему Нижний с Суздалем, а по роскоши превосходил и его. Вагоны были изготовлены в каретной мастерской братьев Пятовых. В отличие от других поездов экспресс не имел цветового разделения между классами. Все его вагоны были отделаны одинаковыми панелями из мореного дуба, покрытыми темно-вишневым лаком. Фурнитура, заклёпки и болты, ручки были изготовлены из латуни и начищены до блеска. Вдоль бортов чуть ниже окон шла двойная полоса позолоты, прерываемая тремя пиками, которые изображали то ли княжескую корону, то ли Уральские горы.

Отсутствие классовой окраски вызвало небольшую сумятицу, когда удар колокола и зычный голос дежурного объявили посадку. Пассажиры, провожающие и носильщики спустились по лестницам и сперва неспешно направилась к своим вагонам, но тут вдруг выяснилось, что номера перепутаны, и первый вагон оказался по номеру не первым, а четвертым и хуже того относился ко второму классу, а вагоны первого класса, вопреки ожиданию, оказались в хвосте. Пассажиры смешались, занервничали, два потока бросились навстречу друг другу, носильщики послушно побрели следом, сталкиваясь локтями и ношами. И хотя до отхода оставался почти целый час, степенные деловые люди превратились в бурлящую на грани паники толпу.

– Мы отпрафляемся покорять Сипирь, коспота! – провозгласил барон Гроссдорф среди нарастающего хаоса.

Он отделился от бурлящей толпы и даже приподнялся над ней, встав на кирпичное основание опоры дебаркадера. Внешне барон походил на знаменитого литературного персонажа Мюнхгаузена в изображении французских издателей (то есть больше напоминал француза, нежели немца) – кавалерийские закрученные кверху усы, маленькая д'артаньяновская бородка, орлиный нос. Разве что вместо парика с буклями Гроссдорф имел естественную шевелюру, прикрытую зелёной баварской шляпой с коротким пером.

– Но, барон! Зачем вы коверкаете русский язык? – с улыбкой спросил Светлов. – Все ведь знают, что ваши предки переселились сюда двести лет назад и вы вполне обходитесь без этого жуткого акцента.

– Я толшен соотфетстфотать опрасу, – ответил тот, задрав нос ещё выше. – Фсякий немецкий парон коворить пафосно и хфастать тафностью рота! Кроф! Кроф, коспотин Сфетлоф! От неё никута не теться!

– Но ваша фамилия барон! – заметил Светлов.

– Што не так с мой фамилия? – свёл барон брови. – Ни отин ис моих предкоф рафно и живущих ныне ротстфенникоф не сапятнали её!

– Нет, нет, я не намекал на предков. Но, барон, с вашим акцентом она будет звучать нелепо и даже смешно. Кроссторф! Торф с поджаренной хрустящей корочкой... знаете в Пруссии делают такие брикеты для домашнего отопления...

– Смешной шутка! Ха-ха... И тостатощный пофот тля поетинка!

– Нет, нет. Давайте не будем доставлять удовольствие нашим врагам. И вы, и я отличные стрелки, так что итогом нашего поединка станут лишь два хладных трупа. Считайте, что я просто предостерёг вас от возможной оплошности.

– Фы не ферите ф сутьпу?

– Предпочитаю холодный расчёт.

Барон улыбнулся, пожал плечами и отправился к первому вагону, который оказался в хвосте. Два носильщика потрусили за ним, сгибаясь под тяжестью огромного дорожного сундука, а ещё один был обвешен сумками и ружьями в чехлах. Народ расступался перед ними, как пехота перед кирасирами; некоторые приподнимали шляпы, приветствуя известного в городе светского льва. А лев лишь на минуту приостановился, чтобы поздороваться с молодым человеком, чем-то напомнившим Светлову князя Константина, каким тот был в бурной юности.

На перроне вообще оказалось много старых знакомых из театрального буфета. Сенатор Мерлин, господа флотские офицеры, средних лет майор из генерального штаба, анилиновый промышленник Козицин, пожилой мужчина в элегантном костюме-тройке, которого Светлов по имени не знал; даже почтмейстер Леман, что как раз ходил между грудями багажа со списком, отыскивая, очевидно, какие-то вещи (багаж пассажирских и курьерских сообщений проходил по департаменту почты).

Светлов подумал, что если убийство бедного Мохнашки было связано с контрабандой оружия, то один из людей, стоящих сейчас на перроне, почти наверняка связан с убийцей или же сам таковым являлся. Вряд ли его противник остался бы в Нижнем Новгороде, тогда как оружие уходит по назначению. Причем неважно, пытался ли убийца сорвать сделку или убрал посредника, как только убедился, что дело уже на мази. В любом случае или он, или заказчик станут сопровождать груз, следить за ним со стороны.

Как оказалось, он был не одинок в своих размышлениях.

– На поезде отбывает почти половина подозреваемых, – раздался за спиной голос полицейского капитана Алтуфьева. – Вы не находите это странным, господин Светлов?

– Ничуть, – он повернулся к капитану, успев при развороте состряпать подобающую случаю улыбку. – Именно потому, что люди теперь отправляются в путь, позавчера они и оказались в театральном буфете. В противном случае многие из них дождались бы нижегородской премьеры «Горячего сердца», желая взглянуть, что за штука эта знаменитая «четвёртая стена». Вы не в курсе? Сам великий князь обещал быть на премьере. А так, увы, многие из нас довольствовались «Женевской сиротой». Там, в Сибири театров мало, господин Алтуфьев, и даже «сироту» будешь вспоминать с теплотой.

– Вы возражаете скорее из привычки, – произнёс капитан, покачиваясь на каблуках. – С теплотой все вы будете вспоминать театральный буфет и внезапно образовавшийся труп.

– Кстати о трупе. Вы прочли вчерашнюю вечернюю газету, я надеюсь?

– Бредовая версия про золото, – отмахнулся капитан полиции.

– На счет золота, пожалуй соглашусь, – кивнул Светлов. – Но парня они вычислили быстрее вас.

– А вам, гляжу, это доставило удовольствие?

– Немного, немного. А что же вы? Просто провожаете нас, проклиная ускользящую добычу, или..?

– Или. Мой сотрудник Петров (вон тот молодой человек, что стоит под часами), отправляется с вами. Несмотря на молодость, он превосходный сыщик, и я надеюсь, уже к концу пути ему удастся выяснить всё, что только возможно.

– В таком случае вы зря проговорились. Оставаясь инкогнито, он смог бы узнать больше.

– Не учите меня работать, господин Светлов, – зло усмехнулся Алтуфьев. – Оставаясь инкогнито, он не вписался бы в вашу аристократическую компанию вовсе. А так вы вынуждены будете его принять и разговаривать с ним.

Наконец, открылись дверцы багажного отделения и крепкие станционные грузчики принялись таскать в вагон почту и грузы. Светлов краем глаза следил за погрузкой ящиков и встретился взглядом с ещё одним знакомцем из буфета. Почтмейстер наблюдал за работой подчинённых, а увидев Светлова, перехватил у служащего сопроводительные бумаги.

– Редукторы? – прочитал он. – Зачем везти курьерским сообщением редукторы?

– Слушайте, господин Леман, ваше дело инспектировать подчинённых. Зачем и для какой надобности, и почему именно курьерским сообщением, не ваше дело.

– Вы избежали досмотра багажа помахав бумагой из канцелярии князя, господин Светлов, – заметил почтмейстер. – Но бумага ваша касается лишь почты и путей сообщения. А в Чумикане досмотр багажа проводит военно-морской флот.

– Вот как? Вам-то что до того? И с чего вы взяли, что я не сойду раньше?

– Здесь все едут на конференцию, господин Светлов. А значит до самого Чумикана.

– И даже барон?

– Барон едет на охоту. Об этом знает весь город. Барон покупал билеты на каждый четверговый экспресс начиная с мая. Он всякий раз закатывал прощальную вечеринку, но в последний момент откладывал путешествие. Их сиятельство человек экстравагантный и свободный, может себе позволить.

– Почему бы не предположить, что я тоже хочу поохотиться?

– Потому, господин Светлов, что в бумагах на сопровождение багажа указано ваше место – восьмое. А все места первого класса начиная с седьмого были забронированы канцелярией князя. За исключением тех шести мест первого вагона, которые выкупили раньше. И мне, как служащему почты об этом известно.

Вот же въедливый тип. Кажется, сегодня всякий служака задался целью сунуть Светлова носом в дерьмо. То полицмейстер, то почтовый инспектор.

– Если сейчас со мной вдруг заговорит тот рослый пожарный, я буду молчать как рыба, – пробормотал он под нос.

Транссибирский курьерский маршрут на основе непрерывного парового сообщения предусматривал возможность добраться от западных пределов страны до восточных на перекладных и потому перед отправлением Уральского экспресса они дожидались прибытия Столичного.

Экспресс из Суздаля пришёл точно по расписанию. Не успела минутная стрелка на часах унять дрожь после скачка к следующему делению, а паровоз – такой же «конёк-горбунок», что возглавлял тобольский состав, – уже выкатил на главный путь и, слегка притормаживая, по инерции добрался до остановочного знака. Метельник замер почти вровень с белой линией. Машинист промахнулся не больше чем на дюйм и вряд ли кто смог бы назвать это промахом.

Если пассажиры из наземного павильона спускались сразу на нужную платформу, то те, что меняли поезда, переходили через пути традиционным способом – по деревянному настилу.

Обычно с одного экспресса на другой пересаживались дюжина-две человек, однако, на этот раз почти все прибывшие из Суздаля направились к лестнице, а на настил ступила группа из трех московских священников (их отличали чёрные монашеские рясы, какие в Нижнем на улицах не носят) и одна-единственная девушка в голубом платье, сопровождаемая носильщиком с двумя чемоданами.

Вот эта девушка, её движения, жесты неожиданно сорвала в душе Светлова лавину воспоминаний, состоящих главным образом из боли и страха. Он потёр грудь. Её защемило, как у глубокого старика. Надо же. Он прислушался, отсекая звуки станции, поймал её фразу, обращённую к носильщику, и отметил, что голос с лёгкой хрипотцой ничуть не похож на тот звонкий, принадлежащий девушке из его памяти. Глаза! Глаза остались прежними. Впрочем, о чём это он? Всё это наваждение. Ведь той девушки нет в живых.

Двенадцать лет назад он проезжал с отрядом польских инсургентов через один фольварк в Белостокском уезде. Это была красивая ухоженная усадьба с хмельником и яблоневым садом. Хозяин не участвовал в восстании, но и проезжих гостей не гнал. Там Светлов встретил девушку лет пятнадцати по имени Настуся. Она была дочерью помещика и приехала на лето из Варшавы. Очаровательная и весьма образованная девушка. Он влюбился в неё с первого взгляда. Он читал ей стихи. Всю ночь читал ей стихи и ничего больше.

А утром его отряд уехал в Белосток и там выдержал стычку с литовскими войсками. И Светлов был ранен и провалялся три недели в горячке на какой-то мызе, где поляки выхаживали его почти безнадежного, и всё-таки выходили. А потом он вновь заехал в тот фольварк, но увидел только сожженные постройки и холмики свежих могил. Если бы преступление совершили литовцы или германцы, он бы просто сжал зубы и отправился мстить, но, как вскоре выяснилось, зверства учинил один из мятежных отрядов под руководством некоего Шубеничника. То есть союзники.

Тогда Светлов ушёл от инсургентов. Раковский долго отговаривал его. Клялся, что найдёт и жестоко накажет мародёров. Но Светлов не стал спорить, просто распрощался с соратниками и уехал. И дело, конечно же, заключалось не в наказании виновных. Этот эпизод стал последней каплей, что окончательно отвратила его от революционного движения. Скептицизм разрушал его веру давно, а вот неприязнь к соратникам возникла только тогда.

Со временем боль утихла, но вот неожиданно вернулась яркой вспышкой. Такое и прежде случалось. Выхваченный из суеты городов образ, пробуждал воображение и преследовал его несколько дней. Но столь глубокой тоски раньше не возникало. Почему же сейчас он не может совладать с собой?

Глава седьмая. Попутчики

Поезд тронулся почти без толчка. Выбрался из череды тоннелей на мост, пересек Волгу, углубился в леса и болота, быстро набирая ход. Светлов смотрел на пейзаж за окном, но почти не фиксировал увиденное. Переживания и воспоминания заняли его настолько, что он пришёл в себя только когда проводник Василич (так этого рослого средних лет служителя называли ветераны путешествий) начал разносить по купе чай. Он держал по четыре стакана в каждой руке, а двери открывал как-то хитро движениями плеча и локтя. И хотя состав уже набрал приличную скорость, а вагон стало заметно покачивать, железный волк знал своё дело и не пролил на пол не капли.

– Я купить перфое место в перфом факоне, а оказался ф самом хфосте поеста! – возмутился барон.

Он стол в коридоре и, покачиваясь в такт поезду, курил длинную тирольскую трубку.

– Вагоны поменяли местами в самый последний момент, – сказал проводник.

– Но почему, коспотин Исаеф, тьяфол вас сапери?!

Возмущённый барон дабы придать словам большей официальности употребил фамилию служителя, указанную на бляхе.

– В нашем оказался неисправен тормозной паропровод, – спокойно пояснил проводник. – И если бы его прицепили сразу за багажным, как собирались, то и все остальные вагоны не смогли бы тормозить.

– Мы что же едем в неисправном вагоне? – спросил Светлов.

– У нас есть ручной тормоз, – заверил Василич. – А по инструкции департамента на состав достаточно половины вагонов, оборудованных централизованным торможением.

Выложив из кофра всё что может понадобится в пути, Светлов отправился во второй вагон к Мерлину, который был одним из руководителей делегации и в этом статусе обладал некоторыми интересными документами, способными пролить свет на интриги с Сибирским транзитом.

Сенатор (как называли в Нижнем Новгороде членов Государственного Совета) путешествовал часто, а потому устроился с куда большим комфортом, чем менее опытные пассажиры. Аккуратно расставленные на полочках книги, клетка с попугаем, несессер, полотенца – всё создавало уют даже в такой непритязательной обстановке. Шёлковый халат и тапочки с загнутыми носками, а также седая бородка, делали сенатора похожим на его средневекового тёзку из валлийских преданий (Светлов мысленно добавил к образу остроконечную шляпу и посох).

Увидев в проеме купе гостя, Мерлин растерялся. И стал выглядеть ещё более растеряно, прочтя сопроводительную бумагу. Сенатор был человеком субординации. Для него существовали только два типа людей – начальники или подчинённые. Никаких других категорий, иерархических полутонов, он не воспринимал и не признавал. Ходили слухи, что он говорил на «вы» даже с друзьями и членами семьи, и ценился князем именно за эту твердость, если не сказать твердолобость. Хотя и во всём остальном он мало походил на видного государственного деятеля. Мерлин был глуповат. Это если выразиться тактично.

– Ума не приложу, зачем Великому князю понадобилось включать вас в делегацию, господин Светлов, тем более в последний момент, – сокрушался сенатор.

– Вам и не требуется прилагать ума. Просто посвятите меня в дела. Могу лишь предположить, что князь отдал должное моим техническим знаниям, а также познаниям в области колониальных товаров. Транзит ведь не сам по себе транзит. Его нужно чем-то наполнять.

– Возможно, возможно... – пробормотал Мерлин, возвращая грамоту. – Но как же мы выстроим наши отношения в делегации?

– А никак, сенатор. Я независимый эксперт и еду сам по себе. Мы лишь иногда будем оказывать друг другу содействие. Информационное.

– Меня это устраивает, – облегченно выдохнул Мерлин. – Что вы хотите узнать в первую очередь, господин Светлов?

– Самые основы. Суть переговоров. Возможные интересы различных сторон. Я не особенно внимательно следил за подготовкой и пока мало что знаю.

– Вот несколько брошюр Особой комиссии Государственного Совета, прочитайте их пока есть время; вот папка с документами, но их вы не должны никому показывать. По правде говоря, я не уверен, могу ли оставить их вам даже на время.

– Не беспокойтесь, сенатор. Всё что нельзя выносить, я прочту прямо здесь. У меня хорошая память.

Он провел в гостях у Мерлина несколько часов, а когда вернулся проводник уже разносил по купе лампы, держа их по несколько штук в каждой руке, как до этого он держал стаканы с чаем.

– Работают на соляровом масле, – сообщил Василич с такой гордостью, будто сам изобрёл новинку. – Никакого риска случайного возгорания. Даже если лампа опрокинется, огонь попросту погаснет в масле. Знаете, в Европе для освещения в вагонах пользуются керосином, и бывает поезда превращаются в факелы, а на большой скорости это страшная вещь, скажу я вам.

– Могу себе представить, – согласился Светлов.

В отличие от керосиновой лампы топливный бак соляровой располагался выше пламени, он имел форму тора и нагревался от исходящего жара. Стекло лампы проходило сквозь него и, чтобы не заполнять купе чадом, вставлялась в особое вентиляционное отверстие. Таким образом обеспечивалась дополнительная тяга, а дым уходил за пределы помещения.

Почти сразу, как проводник вышел, в приоткрытую дверь купе заглянул барон.

– Пойтёмте ф ресторан, коспотин Сфетлоф, – предложил он.

– Благодарю, барон, я пока не готов. К тому же сейчас там не будет мест.

– Мест хфатит. Мы сопираемся поснакомиться. Торока тальняя. Почти все етут то конца. Компания потпирается фесёлая.

– Начинайте без меня, барон, я подойду чуть позже.

Барон хмыкнул и ушёл. Некоторое время стучали двери, клацали замки, громкие голоса в тамбуре заспорили, уступая другу другу дорогу. Затем вагон затих.

Да, познакомиться со всеми не мешало бы. Кого-то из возможных оппонентов он мог пропустить на перроне. Светлов достал блокнот, отточил карандаш и нарисовал на чистом листе два прямоугольника. В каждом из вагонов первого класса следует десять пассажиров. Свободных мест не осталось, значит, в наличии двадцать человек. Он выписал имена, кого знал или помнил. Подумав, добавил к схеме и остальные вагоны. И сам паровоз. В каждом из вагонов второго класса – восемнадцать человек. В почтовом – четверо. Главный почтмейстер был театралом, хотя в буфете вполне мог оказаться и кто-нибудь из мелких служащих. С другой стороны, и заказчик убийства, и заказчик оружия могли в буфете вовсе не появляться, оставаясь в тени. В вагоне-ресторане работает человек десять-двенадцать. На паровозе идёт две бригады – всего шесть человек. Но и ресторан, и паровоз идут только до Тобольска. Вряд ли у служащих дороги имелся какой-то интерес в винтовках и американских колониях.

С суздальского экспресса на уральский перешла только девушка и три священника. Остальные пассажиры и работники так или иначе оставались под подозрением. Впрочем, сыщика тоже, пожалуй, следует исключить, это противоречило бы канону.

Теперь следует разделить подозреваемых на две части. На тех, у кого были возможности, и тех, у кого был мотив. Мотив же предстояло ещё определить. Пока вырисовывалось только три версии – попытка помешать контрабанде оружия, устранение посредника или конкурента.

С возможностями было проще. Светлов перевернул лист и, набросав схему театрального буфета, попытался расставить посетителей.

Господа морские офицеры сидели за сдвинутыми вместе столиками. Выстрелить теоретически мог любой из них, но при условии, что все его товарищи участвовали в афере. А это маловероятно, хотя и не исключено полностью. Кому как не старому революционеру знать, что сохранить тайну в большом кругу почти невозможно. И хотя офицеры превосходно обращаются с оружием и, что немаловажно, имеют его при себе, их он поставил в конец списка подозреваемых.

Барон. Этот расхаживал по буфету, как медведь, вернее как павлин. Подсаживался то к одним приятелям, то к другим. Убийство, кажется, застало его в стороне от буфетной стойки, но все же в секторе откуда мог быть произведен выстрел. А что до оружия, то оно у барона всегда при себе. Но вот мог ли барон быть убийцей? Маловероятно. И мотива нет. И честь его отнюдь не показная. Он не из тех, кто будет стрелять исподтишка.

Мерлин. Сенатор сидел в одиночестве и кушал блинчики с творогом (он всегда берёт их в буфете). Мерлин ещё не так стар, и его рука достаточно тверда. Мог ли он выстрелить незаметно для других? Вполне. Все глазели на опрокинутый самовар, пар окутал стойку. Кстати, не забыть бы спросить у Петрова калибр пули. Хотя это-то полиция успела выяснить?

Кто ещё? Где стоял или сидел почтмейстер? Нет, он не сидел, он стоял. И ещё уронил стакан с чаем от неожиданности. Значит его следует исключить тоже.

Светлов решил выкурить сигару и вышел в коридор. Там он увидел девушку со столичного экспресса. Она уже сменила голубое платье на темно-серый дорожный костюм – шерстяная юбка со складками, корсаж, замшевая курточка, берет. Всё скромно, монотонно и удобно. Можно и на диван прилечь, и в коридор выйти, и в обществе показаться. Почему она не переоделась раньше в столичном экспрессе, и почему переоделась сейчас, а не, скажем в Тобольске? Видимо решила, что настоящее путешествие началось именно с Нижнего Новгорода.

Светлов достал сигару, обрезал карманной гильотиной и открыл окно. Тут же всколыхнув занавески, прилетел из соседнего окна сквозняк. Девушка приподняла ворот курточки.

– Прошу прощения, – смутился Светлов и показал сигару. – Надеюсь, не помешает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.